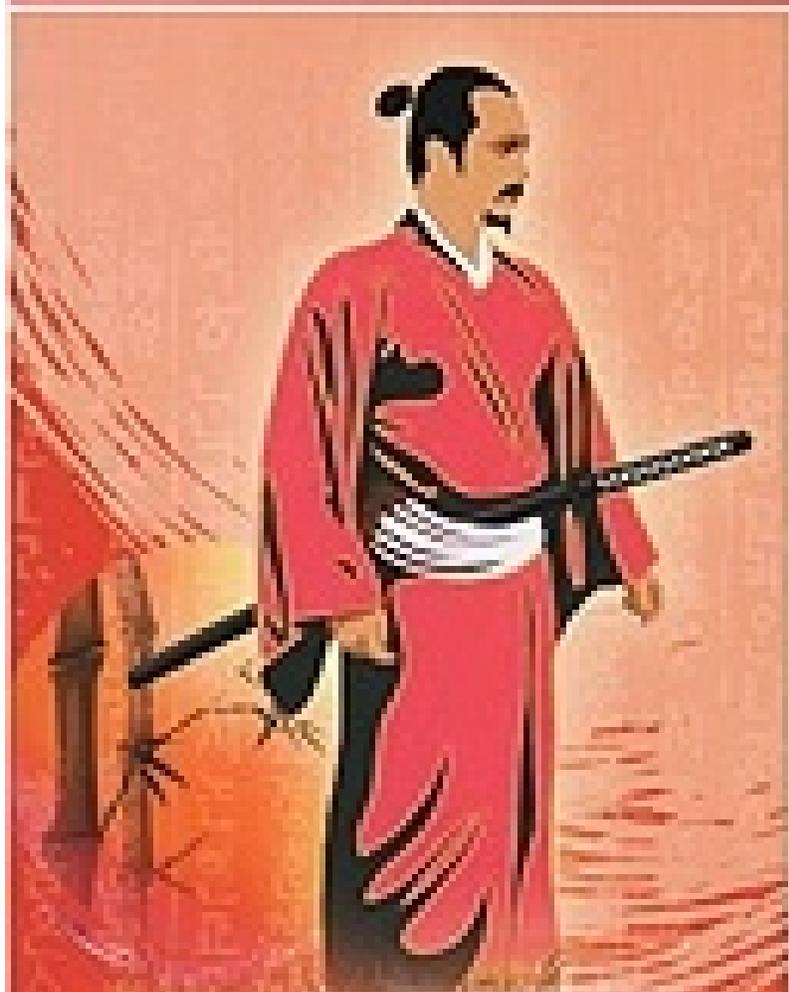

ЛАБИРИНТЫ ИСТИНЫ

Этьен КАССЕ

ИСПОВЕДЬ МЕЧА,
ИЛИ ПУТЬ САМУРАЯ

OZON.RU

Меч и Япония неразделимы. Путь самурая — это путь меча, очерченный вошедшим в легенды «Кодексом Бусидо». Меч как символ, меч как любовь, меч как истина — в раннем невероятном расследовании Этьена Кассе, отправившегося в Страну восходящего солнца за великой загадкой пути Самурая. Захватывающие легенды и исторические материалы переплетаются в повествовании автора. Еще одна попытка понять загадочный Восток и еще более загадочную Японию приводит читателя не только к новым загадкам, но и к иному взгляду на свою собственную жизнь.

Этьен Кассе

Исповедь меча, или Путь самурая

ЯПОНСКОЕ, НО ПОЧТИ НЕ-САМУРАЙСКОЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

С этой страной связано множество самых разных ассоциаций и довольно часто стереотипов и всевозможных клише. Вероятно, именно поэтому Япония предстает как земля загадочная и сказочная. Когда мне предложили отправиться в Японию, я не посмел отказаться.

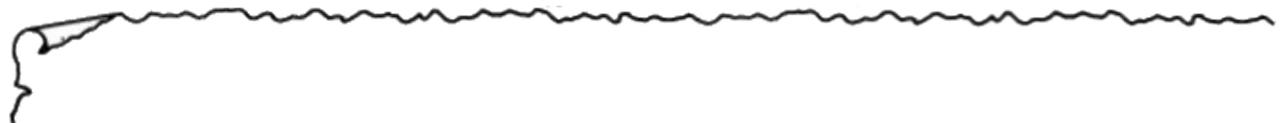
Летели мы долго и счастливо — следуя за восходящим солнцем. Когда наш самолет начал снижаться, в Японии было утро и яркие лучи великого светила освещали блестящую гладь океана. Поверхность воды стремительно приближалась, и казалось, что еще несколько метров, — и наш «боинг» плюхнется прямо в мировые волны... Водная рябь от двигателей наводила панику на некоторых наиболее впечатлительных пассажиров.

И тут все почувствовали резкий толчок снизу и услышали звук соприкосновения резины шасси с асфальтом. Только после этого мы увидели землю, вернее, остров. Аэропорт располагался на искусственном острове, построенном на огромной горе... переработанного мусора.

Это был первый шок. Мое пребывание в стране-сказке началось. И именно здесь я понял: все то, что так или иначе навязывается нам массовой культурой (гейши, суши и даже самурай), все то, что у японистов вызывает приступ если не тошноты, то законного стенания, — неправда. В тайнах Японии, в тайнах самураев есть нечто большее, чем просто клишированная поверхностная оболочка.

На каждом шагу в этой стране мне довелось сталкиваться одновременно и с современностью типа скоростных поездов «Синкансен», и с небывалой древностью, что взрезает душу острым самурайским мечом.

Честно признаюсь, до своей поездки и серьезных занятий историей тех самых крушащих все и вся самураев у меня тоже сложилась вполне стереотипная картинка: обольстительные гейши играют яростным воинам на древних струнных инструментах, а те спешат с чайной церемонии домой и с обиженным видом совершают над собой харакири. Эти картины, возможно, карикатурны. Но беда карикатур как раз всегда и состоит в том, что они напоминают оригинал гораздо больше, чем нам хотелось бы признать. Так как провести тонкую грань между карикатурой на реальность и самой реальностью?

о самураях сказано:

«Самурай — в феодальной Японии, в широком смысле — светские феодалы, начиная от крупных владетельных князей (даймё) и кончая мелкими дворянами; в узком и наиболее часто употребляемом значении — военно-феодальное сословие мелких дворян. Хотя слова „самурай“ и „буси“ очень близки по значению, но все же „буси“ (воин) — это более широкое понятие, и оно не всегда относится к самураю. Так же как в некоторых определениях самурай — это японский рыцарь».

А в памятной записке для московского посла в Пекине Николая Сафария от 1675 года сказано:

«За китайским государством на востоце во окияне море от китайских рубежей верст с семьсот лежит остров зело велик, именем Иапония. И в том острове большее богатство, нежели в китайском государстве, обретается... И хотя обычай их и письмо

тожде с китайским, однако же они люди свирепии суть и того ради многих езуитов казнили, которые для проповедования веры приезжали» [\[1\]](#).

Как провести тонкую грань?

Рай самураев

Говорят, по следам Сацудзо кто-то идет...

В такие времена, как эти, когда войнам больше не нужны славные имена и ни к чему даже повод для начала, просека, оставляемая Сацудзо по всей земле, служит лучшим дорожным ориентиром. Просека та не очень широка, разве что пара шагов, но столь же ужасающая, как и то, что творит Сацудзо и что люди в почтительном трепете называют: «словно плугом прошел».

Если встретится тебе во время твоих странствий или бегства твоего такая просека, помни: у тебя всего лишь две возможности последовать по ней. Ступай туда, куда ведут свежие следы Сацудзо, и тогда тебя по праву назовут воином-самураем, и, возможно, в самом конце пути ты встретишь Сацудзо, и эта встреча будет для тебя последней, а просека Сацудзо потянется дальше, твоя же могила станет незаметной вехой на его пути. Но если ты отправишься к самому началу просеки, возможно, тебе удастся отыскать то место, о котором сам он уже давным-давно забыл. Тогда тебе придется увидеть сон, мечту, потому что в самом начале просеки Сацудзо скрывается чудесное сокровище, или Рай Самураев.

Так что у тебя есть право выбора, каким путем отправляться — путем начала или путем конца. Некоторые до тебя уже решились положиться на свою удачу и не вернулись.

У поселения, случайно лежавшего на пути Сацудзо, была только одна харчевня. Ее легко было распознать еще издали. Деревянная табличка над дверьми заведения уныло покачивалась на ветру: олень, пронзенный копьем, выцвел от времени, и кровь, когда-то ярко и завлекательно сочащаяся из его ран, теперь превратилась в грязное пятно.

Хозяин харчевни досадливо взглянул на появившегося в дверях широкоплечего человека, подивившись про себя той цепи, что тащил за собой незнакомец. А потом этот «плуг» зацепился за дверной косяк, но хозяин успел-таки помешать Сацудзо снести замшелый фасад дома. Корчмарь освободил зацепившиеся железные зубья цепи и подал Сацудзо напиток, затем принес сыра и лепешек из недавно промолотого риса. Сацудзо расплатился странными на вид монетами, но были они из чистого серебра, и только это на самом деле имело значение. Сацудзо жадно пил и ел, поглядывал на свой «плуг», потом принялся чистить его. Ветки, комья земли и трава во множестве застряли меж зубьями и клинками «плуга». То-то Сацудзо чувствовал по дороге, как его оружие становится все более тяжелым.

Сегодня меж зубьев «плуга» застряли цветы из небольшого сада на самой окраине поселения и кусок пожелтевшего пергамента, на который Сацудзо долго смотрел, задумчиво сведя брови, ибо не знал он, сколько дней подряд носил его за собой.

— Эй, хозяин, ты умеешь читать?

— Довольно сносно для того, чтобы вести дела, господин.

— Вот и прочитай мне это.

— Со всем моим удовольствием, мой господин.

Корчмарь схватил в руки пергамент и поднес его к свету:

— Это указ сёгуна, мой господин. «Великие состязания воинов в Осаке! Шестнадцать человек борются не на жизнь, а на смерть за звание самурая и за золотой меч. Придите и победите! Придите и увидите!» Это праздничные состязания сёгуна, мой господин. Каждый год льется кровь. До начала состязаний осталось четыре дня. Хотите взглянуть?

— А я успею пешком за четыре дня добраться до Осаки?

— Уж точно, мой господин. Вы и в три дня доберетесь туда. Собрать вам провизии в дорогу?

— Нет. Лишь дорогу покажи.

— Просто следуйте по течению Зеленой реки, мой господин. Осаку вы тогда точно не минуете.

Сацудзо утер рукой рот, молча поднялся и двинулся к выходу. Пергамент и выцарапанный из «плуга» мусор он оставил корчмарю. Тот уже стоял у порога, внимательно следя за тем, чтобы «плуг» не разнес его заведение. Но на этот раз помощь не потребовалась: Сацудзо взвалил свое чудовищное ржавое оружие на плечо.

Корчмарь долго смотрел на глубокие царапины, оставленные в деревянном настиле клинками «плуга», но на этот раз и тени досады не мелькнуло на его лице. Он даже слегка улыбнулся краешком рта.

Ибо кто-то двинется по следам Сацудзо, и эти следы приведут его теперь в ту самую харчевню.

Глава первая

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ, ИЛИ ПЕРВЫЙ ВЗМАХ МЕЧА

А начиналось все, собственно говоря, от... сохи. Даже самураи именно от нее. И поверьте, я вовсе не собираюсь просто шокировать вас ради красного словца!

Дело в том, что само слово «самурай» происходит от древнего глагола «самурау» или «сабурахи» и в японском «Словаре древнего языка» истолковывается следующим образом: «служить великому человеку, человеку высшего сословия» либо же «служить хозяину, защищать хозяина». Поразительно то, что для графического обозначения данного слова японцы воспользовались китайским иероглифом «дзи», который разбивается на две составные: «рэн» — человек и «си» — храм. Представляете, что получается по смыслу? Самурай = дзи = человек и храм одновременно. Это и в самом деле говорит о Служении ^[2].

Они и служили. Причем до начала правления клана Токугава самураем мог стать любой удачливый человек. Даже человек от сохи, то есть крестьянин.

Время то было непростое — VI–VII века н. э. В 645 году после победы в борьбе за власть двух кланов Сумэраги и Накатоми на престоле Японии оказался император Котоку (645–650), гордо именовавший себя «сыном Неба» (тэнно). Случилась «Великая перемена». Страна и в самом деле изменялась — у нее возникала регулярная армия, гарант безопасности и надежности, в которой оказалась приблизительно 1/3 мужского населения Японии в возрасте от двадцати до шестидесяти лет. Армия в действительности была нужна «сыну Неба», словно воздух. На северо-востоке страны шла почти вечная война с айнами или эдзо — потомками древнейшего населения Японских островов. Жизнь была опасной везде. В прибрежных японских водах уже несколько столетий промышляли пираты. В лесах и горах бесчинствовали разбойничьи банды. Вот и набирали специальные отряды из зажиточных крестьян, «ловких в стрельбе из лука и верховой езде». Мужчине-японцу буквально на роду был написан «путь лука и скакуна» («кюба-но мити»).

Ты первым взобрался на стену вражеской крепости? Ты был первым, кто вступил в бой с противником? Значит, ты выдержал испытание, значит, ты — самурай.

Но не только нестабильностью ситуации в стране можно объяснить появление касты самураев. Я думаю, в образовании сословия самураев «виновата» вечная японская жажда причастности, более того, тяга к зависимости. Уже в XX веке Всеволод Овчинников справедливо отметит: «Когда два японца встречаются впервые, они, прежде всего, стараются выяснить принадлежность друг друга, а также положение, которое занимает в своей группе каждый из них. Без этих сведений им трудно найти основу для общения» ^[3]. Самурай — это член группы или, выражаясь современным языком, гигантской ассоциации, и принадлежность к ней, а также преданность ей, что превыше всех личных убеждений, во все века считались почетными и желанными.

Экскурс. Великие покорители варваров

Первый император появился на Японских островах в 660 году до н. э. и получил титул Дзимму-тэнно, что означает «Правитель Дзимму». С ним началась «земная» история Японии.

Несмотря на то, что император почитался как недостижимый потомок богов, в его окружении все же находилось немало дерзновенных смельчаков, жаждущих любой ценой занять его трон. Одними из первых, кому еще в IX веке удалось узурпировать верховную власть и фактически удерживать ее вплоть до XII столетия, были члены клана Фудзивара. Высокие посты, занимаемые ими при дворе, позволили им довольно быстро взять власть в свои руки. Выдавая женщин своего клана за императоров, Фудзивара тем самым не только приобретали неограниченное влияние при дворе, но и соединялись с верховными правителями кровными узами. От таких «небесных» браков рождались наследные принцы, которые в будущем могли претендовать на императорский престол. Фудзивара буквально организовали в Японии институт регентства, и реальная власть ушла от «небесных правителей». Но власть, как песок, вполне может просочиться меж пальцами. И Фудзивара изо всех сил старались обезопасить себя от возможных соперников, высылая их в отдаленные районы страны, мотивируя это необходимостью защиты территорий от нападений айнов и морских пиратов.

Среди таких «ссылных» конкурентов особенно ярко выделялись представители двух сильных линий императорского рода — Тайра и Минамото. Довольно скоро Минамото начали контролировать север и северо-восток государства, а клан Тайра — его юго-западную островную часть.

Вот только дружбы между этими двумя кланами не было, хотя они вполне могли объединиться для свержения власти Фудзивара. Но нет, они постоянно враждовали друг с другом. Начиная с 1051 года почти полтора века страну раздирали смуты и восстания. Одним из них, определившим дальнейшую судьбу могущественных кланов, стало восстание Хэйдзи, поднятое в 1160 году полководцем Минамото-но Ёситомо против Тайра. Восстание окончилось поражением, а сам Ёситомо был убит. Но его третьего сына, тринадцатилетнего Ёритомо, глава рода Тайра пощадил и сослал на восток страны в Идзумо. Так Тайра совершили роковую ошибку. Спустя двадцать лет после гибели отца Ёритомо так и не забыл поражения клана. Собрав под свои знамена несколько тысяч человек, он начал вместе со сводными братьями настоящую войну на уничтожение противника. После ряда побед клан Минамото в апреле 1185 года в битве, проходившей в бухте Данноура, полностью разгромил клан Тайра.

С того самого времени Минамото Ёритомо начал укреплять свою военную власть и в 1192 году получил от императора Японии титул сэи тайсегун — «великий главнокомандующий, покоритель варваров». Так он стал военным правителем империи. А император полностью лишился власти. Такой тип правления продержался в Японии около семи веков, вплоть до 1867 года, когда последний сёгун Токугава Ёсинобу отрёкся от власти.

И все эти века главными действующими лицами в пьесе японской истории были потомки бога войны Хатимана — самураи. Им было предназначено Служение...

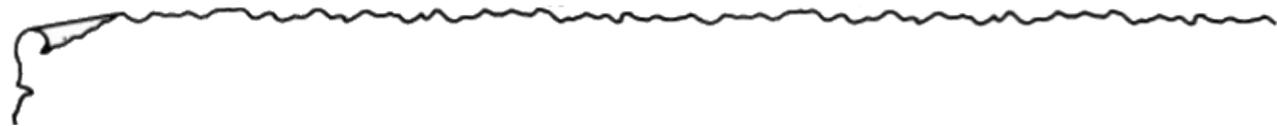
Но для Служения следовало получить определенное воспитание и пройти по вертикали «ОЯ — КО», что дословно переводится как «отец — сын», а в более широком смысле — как «учитель — ученик» или «покровитель — подопечный».

«ОЯ — КО» / «отец — сын», или *Воспитание самурая*

С раннего детства в семьях самураев юного буси (воина) следовало воспитывать. В мальчишке, будущем самурае, надо было выработать комплекс особенностей, которые необходимы в Служении в первую очередь: предписывалось воспитывать человека физически сильного, сведущего в военном искусстве и моральных принципах.

В домашней иерархии семьи самурая каждый имел четко определенное место и как бы свой титул. Почести воздавались не только главе семьи. Когда сестры обращались к братьям, они обязаны были употреблять иные, более учтивые выражения, чем те, с которыми сами братья обращались к сестрам.

Еще когда мать по древнему обычаю носила младенца у себя за спиной, она при каждом своем поклоне как бы заставляла кланяться и его. Так в семьях самураев давались самые первые уроки почитания старших. Чувство субординации укоренялось в душе юного самурая не из нравоучений, а из жизненной практики. Малыш видел, как его мать кланяется отцу, средний брат — старшему брату, а сестра — всем братьям независимо от их возраста.

«Кодекс Бусидо» гласил:

«Существуют правила воспитания ребенка в семье самурая. С младенчества нужно поощрять в нем смелость, никогда не дразнить и не запугивать. Ведь если ребенок с детства привыкнет бояться, он пронесет этот недостаток через всю жизнь. Ошибку совершают те родители, которые учат детей бояться молнии, запрещают им ходить в темноте или рассказывают ужасы, чтобы те перестали плакать. Кроме того, если ребенка много бранить, он станет застенчивым. Нужно избегать формирования у детей плохих привычек. Ведь если плохая привычка укоренилась, сколько ни упрекай ребенка, он не исправится».

Сын самурая вообще с самого своего дня рождения окружался исключительной заботой. К нему относились буквально как к наследнику престола, он считался продолжателем рода, хранителем и наследником его традиций. Именно сын самурая имел право совершать религиозные обряды по отправлению культа предков. Исполнять обряды и возносить благодарность духам предков, «успокаивая» тем самым их души, в Японии могли только мужчины.

Именно сын самурая наследовал или землю отца, или рисовый паек, за который его родитель служил у феодала. Если же в семье самурая не было наследника, а он по каким-то причинам не мог взять себе наложницу либо же она не могла родить ему сына, феодал со спокойной совестью мог конфисковать у своего верного буси надел и лишит родового имени. Вот почему в 1615 году самураям было даже разрешено усыновление наследников из родственников, носящих то же самое родовое имя. И это было на руку самураям: ведь при первых сёгунах Токугава в период между временами Кэнте (1601) и Кэннан (1651) около шестидесяти самурайских родов потеряли свои владения по данной причине.

Исходя даже из одного этого, рождение ребенка мужского пола в японской семье считалось праздником.

Жизнь-путь как праздник?

В средневековой Японии существовали четыре церемонии, следовавшие сразу после рождения малыша и отмечавшие его приход в мир: вечер первого, третьего, пятого и, наконец, седьмого дня. Особо важной считалась сития (седьмая ночь), или же надзукэ-но иваи, — церемония седьмого дня. Это и в самом деле был ответственный день. В этот самый день

будущего самурая в пеленках впервые показывали родственникам и друзьям и отец объявлял им имя ребенка. Вернее, объявлялось детское имя — ёмэй или ёмё, то есть «имя в детстве». Мать будущего самурая на церемонии сития никогда не присутствовала. Гости приносили мальчику подарки, среди которых обязательно были два веера изогнутой формы, рассматривавшиеся как предвестники двух мечей будущего буси и символ храбрости.

Сто двадцатый день со дня рождения будущего самурая отмечался церемонией табэ-дзомэ, дословно переводящейся как «еда первого раза». Поскольку до этого новорожденный не пробовал твердой пищи, церемония табэ-дзомэ в сознании общества самураев становилась рубежом, когда ребенок впервые приобщался к миру взрослых. Табэ-дзомэ было для самураев своего рода пожеланием своему будущему собрату крепкого здоровья, быстрого роста и безбедной жизни. И подарки теперь сын воина получал другие — один или два (все зависело от ранга его отца) маленьких игрушечных меча, вырезанных из дерева. Это с малолетства приучало совсем юного самурая любить свое оружие — мечи, принадлежность сословия воинов.

Торжественная церемония табэ-дзомэ предполагала обязательное наличие отдельного маленького столика для ребенка. Накрывали его так же, как и для взрослых самураев: ставили блюда с рисом и супом и выкладывали хаси (палочки для еды). Сам стол на церемонии и то был маленьким чудом. Для мальчика, будущего буси-самурая, все — и набор миниатюрных чашечек, и хаси, и сам столик — покрывали черным лаком. (Для девочек чаши изнутри обязательно крыли красным лаком, а снаружи — черным.)

После того как гости садились за накрытый стол, к ним выходила мать ребенка — в этот день она впервые участвовала в семейном торжестве в честь маленького буси — и, низко кланяясь, благодарила пришедших за проявленное к ее сыну внимание. Затем, взяв малыша на колени, она присаживалась к маленькому столику и крошечными хаси прихватывала несколько зерен риса, после чего отправляла их в рот ребенку. Это была не только первая твердая пища самурая, но и своего рода ритуальное действие: крупинки риса являлись символом, залогом твердости. Отныне твердость должна была стать чертой характера маленького буси.

Развивать в детях самураев воинский дух, почитание воинской доблести «себу» и твердость были также призваны ежегодные праздники мальчиков — танго-но сэкку, которые отмечались в пятый день пятого месяца по лунному календарю и получили широкое распространение в период Эдо. Во время этого праздника в доме выставляли искусно созданные миниатюрные доспехи, надетые иногда на специально изготовленных для этой цели кукол (кабуто-нингё), мечи, луки и стрелы, стараясь подобным образом воспитать в будущем самурае воинственность, уважение и благоговейное отношение к военному снаряжению и к самому ремеслу самурая. Играть такими мечами и доспехами детям запрещалось: на них можно было только смотреть, так как демонстрация игрушек приравнивалась к самурайской практике показа мечей и доспехов.

Еще одним неизменным аксессуаром на празднике мальчиков были коинбори — изображения карпов, сделанные из цветной ткани или бумаги и поднимавшиеся на шестах из бамбука над каждым домом, где жили один или больше мальчиков (число вывешиваемых коинбори соответствовало числу мальчиков в семье). Карпы символизировали «мужественную добродетель», подразумевающую «добродетель воинскую». По сей день в Японии карпы олицетворяют... самураев водного мира. Это символ энергии, храбрости и непреклонной твердости. В Средние века детям буси внушали, что и от них требуются такие же упорство в достижении цели, стоицизм и бесстрашие, какие демонстрирует карп, преодолевая бурные потоки.

Пять лет считались этапом, который был особенно важен для мальчиков. В феодальной Японии, когда сын самурая достигал этого возраста, его официально вводили в состав высшего

сословия. По этому поводу существовала даже специальная церемония надевания в первый день хакама — шаровар.

Но только ли для воспитания твердости и доблести юному буси были нужны все эти церемонии? Отнюдь нет. В сословии самураев считалось важным, что ребенок во время этих праздников получает первые уроки эстетики и понимания красоты окружающего мира — природы, одежды, праздничного угощения. Возможно, именно поэтому самураи разрешали своим мальчикам на протяжении тысячелетий хина-асаби, то есть игры в... куклы.

Я уже упоминал, что для самураев демонстрация игрушек была сродни демонстрации мечей и доспехов. Вот почему в токугавский период, более трехсот лет тому назад, для «праздника кукол», или хина-мацури, был выделен особый день, 3 марта. Дети самураев играли с двумя маленькими куклами, представляющими мужчину и женщину. Для торжества в домах буси использовались бумажные, деревянные, глиняные и тряпичные куклы. Самыми древними были бумажные. Издавна повелось, что 3 марта мужчины, женщины и дети из семей самураев делали огромное количество бумажных кукол: они «передавали» им свои несчастья, неудачи и болезни, а затем бросали кукол в ближайший пруд, ручей или реку. Участвующие в церемонии самураи — и взрослые, и совсем еще дети — верили, что таким образом уничтожается и разнообразное зло, присутствующее в окружающей их жизни. Единственным нерушимо соблюдающимся с далекого Средневековья условием было то, что куклы обязательно должны были быть представлены парой: справа стоит мужчина, слева — женщина.

Но не думайте, что жизнь будущих самураев была сплошным праздником. Какое там! Наоборот, жизнь каждого маленького буси была сплошным испытанием.

Рай самураев

Корабль было больше не спасти. Темно-красное пламя взмыло над синими парусами, а разбойники — низкорослые, в кожаных набедренных повязках и вывернутых мехом наружу жилетках — несли всем страшную, но быструю смерть. Слышен был звон оружия, от нападавших не было спасения.

Молодой монах выскочил на палубу горящего корабля. Когда остальные путники после столкновения с суденышком морских разбойников бросились из трюма наверх, чтобы в отчаянии искать спасения или милости у нападавших, монах по-прежнему оставался сидеть, нашептывая двадцать шестую молитву учителю Фань-Ли. Было бы признаком непростительной слабости и дурным предзнаменованием на ближайшие дни прервать молитву на середине.

Глядя теперь на тяжелые, чадные нити дыма, монах увидел пирата с развевающимися растрепанными волосами, что бежал на него с занесенным для смертоносного удара мечом. Монах быстро схватил боевой посох и ловко ударил дико кричавшего разбойника.

Из огня появились еще два пирата, подобные жутким демонам преисподней. Монах отступил на полшага и подпрыгнул в воздухе. Дальнейшее происходило столь мгновенно, что рухнувшие на палубу разбойники так ничего и не поняли.

Обрывки горящего паруса куда-то нес ставший черным и зримым ветер. В пяти шагах от монаха молодая женщина коротким мечом оборонялась от пиратов. Монах тут же избрал вместо пятишагового более сложный восьмишаговый вариант и, подскочив сбоку к пирату, нанес ему два практически незаметных быстрых удара посохом, после чего пират рухнул в воду.

— С... спасибо... — задыхаясь, поблагодарила девушка, одергивая мужские одежды, в какие всегда рядятся искатели приключений. — Уходим, здесь есть лодка.

Монах отвернулся:

— Возьми ее себе. Где капитан?

— Забудь о нем, человек. Капитан и его команда сейчас больше всего на свете напоминают ежей, утыканных вместо иголок стрелами. Пиратов слишком много!

С кормы еще доносились слабые крики сопротивляющихся.

— Я должен помочь им! — воскликнул монах, собираясь броситься в клубы едкого дыма, но девушка намертво вцепилась в рукав его широкой рясы.

— Не будь дураком! Видишь вон те тени справа? Пираты напали на двух кораблях. Ты чертовски хорошо владеешь посохом, но против сорока-пятидесяти противников даже тебе не устоять. Лучше помоги мне спустить лодку. Корабль все равно скоро пойдет ко дну.

Она была права. Горящие обрывки паруса то тут, то там распалили новые очаги пожара. Жар, искры и дым были лишь на руку морским разбойникам. Монах все еще колебался, но к ним уже бежали два пирата. У одного из них в руках был устрашающих размеров якорь, с которым разбойник, судя по всему, обходился шутя. Монах напал на второго, отбил удар, проскочил под якорем, ударил концом посоха в лоб пирата, перехватил посох двумя руками, нанес ряд ударов в лоб, нос, подбородок и кадык морского разбойника, и силач с якорем наконец зашатался.

Вдвоем с девушкой они торопливо спустили лодку на воду, прыгнули в нее друг за другом, и монах оттолкнул лодку посохом от борта тонущего корабля.

— Проклятье! — прошептала девушка. — Они заметили нас и сейчас расстреляют из луков и тоже превратят в ежей.

— Гребь, — спокойно приказал ей монах. — А о стрелах я позабочусь.

Он встал на корме лодки и сосредоточился на движениях и идущем с корабля шуме. Не прошло и десяти ударов сердца, как первая стрела ушла в воду, а следующие падали все ближе и ближе от лодки беглецов. Сотни раз изучал все это монах во дворе ордена, вместе со своими братьями отбивая удары тупых стрел, не имея ничего, кроме посоха, для своей защиты. Вот и теперь монах ловко повторял тот урок — урок жизни и смерти. А потом град стрел прекратился, так и не достигнув маленькой лодки. Вдали показался берег.

— Эй, чертовски хорошая работа, монах! Ты очень ловок.

— Просто стрелы летят медленно. Арбалетные болты куда опаснее.

Он опустил посох на дно лодки, сел рядом с девушкой на скамью и взял у нее весло.

— Меня вообще-то зовут Хэйко, — сказала она.

Монах вежливо поклонился:

— Вэй Гуань Джоу из монастыря Дзен-Дау-Фень ордена Май-Дань-Джо в Шань-Тен-Лай.

— И как же к тебе обращаться, не сломав язык?

— Просто Гуань Джоу, — рассмеялся молодой монах и скромно пригладил рукой тщательно выбритую голову.

И они поплыли дальше.

— Гуань Джоу, — начала затем Хэйко, — ты уже знаешь, куда направляешься? Ну, сейчас, когда случилось все это?

— Я на пути в Долину Колоколов.

— В Долину Колоколов, гм. Она находится неподалеку от Осаки. Кто-то с твоим-то даром воина мог бы озолотиться.

— Мне не нужны деньги и богатства.

— Ну, ладно. Тогда обрести опыт. Представь, ты мог бы с твоими боевыми техниками из твоего монастыря...

— Дзен-Дау-Фень.

— ...вот-вот, сравнить эти боевые техники со знаниями других воинов. Разве ж тебе это не интересно?

— Конечно. Учиться у других — составная часть моего паломничества.

— Значит, мы уговоримся: через несколько дней в Осаке начинаются состязания сёгуна. Я знаю, к кому там обратиться, чтобы объявить себя участником. Ты попробуешь, наберешься опыта, а если победишь — кто знает, все ведь возможно, — тогда мы приз поделим: половина на половину. Что думаешь?

— Что это за состязания?

— На звание самураев, и каждый выходит со своим излюбленным оружием. Только луки и арбалеты не положены. А правил — никаких, борешься, пока не проиграешь. В первом круге из шестнадцати бойцов остается восемь, во втором — четыре, в третьем — два, а в четвертом круге два непобежденных встречаются друг с другом. Поединок такого рода для тебя сущая игра. На корабле...

— Там были всего лишь пираты. А не те, кто собирается бороться за звание самурая. На состязаниях сёгуна плохих борцов не будет.

— Ах, брось! Лучшие самураи уже погибли в войнах или умерли от одной из эпидемий. Уверю, ты будешь героем. И вообще, пошла бы я в Осаку, если б не была в тебе уверена?

Молодой монах задумчиво взглянул на нее:

— А ты видела такие состязания?

— В прошлом году. Сёгун все время устраивает их, чтобы отвлечь простой народ от бурчания в пустых животах.

— А борьба... она ведется до смерти?

— Такое случается. В конце концов, не на игрушечном же оружии они сражаются! Но ежели кто-то просто упал без сознания, считается, что он проиграл. Гуань Джоу, взгляни на меня, — не выдержала Хэйко. — Я — женщина и выгляжу как женщина. У меня лишь один шанс попасть на состязания: в качестве танцовщицы, что выступают меж поединками. Другое женщинам не дозволено. А ты — монах, но ты — мужчина. Решайся!

— Не знаю. Я все еще не уверен, что мне нужны состязания самураев.

— Ну, почему ты мне не веришь? Уж я в этом знаю толк. А потому я говорю тебе: какой мне смысл гнать тебя на состязания, если б у тебя не было шансов? Чтобы убить? Но зачем? У тебя нет ничего, чем бы я хотела завладеть. Ты можешь принести мне пользу лишь целым и невредимым, если победишь.

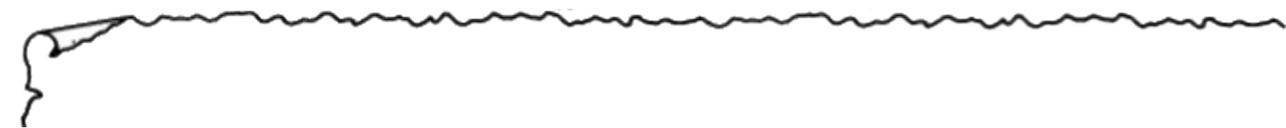
Вэй Гуань Джоу улыбнулся смущенно и вновь погладил себя по голове.

Так монах поверил женщине.

Жизнь-путь — сплошное испытание

Будущих самураев старались растить смелыми и отважными, то есть развивали в них качества, которые считались в среде самураев одними из самых главных добродетелей. Тогда буси был бы способен пожертвовать своей собственной жизнью ради жизни другого человека — например, ради своего покровителя. Довольно часто отец мог приказать юному буси отправиться ночью на кладбище или в известное своей дурной славой место. И даже прекрасно, что там водятся нечисть, призраки, злые духи и тому подобные гадости! Только там будущий самурай мог как следует испытать свою смелость. Также практиковались посещения театральных представлений, рассказывающих истории о храбрости и воинственности

легендарных героев. Но не только визиты в театр были обязательны для мальчиков из семей самураев: им нужно было присутствовать на публичных наказаниях и казнях. А еще похвальной считалось глубокой ночью осмотреть отрубленные головы преступников. И попробуй соври отцу-самураю, что ты ходил на них смотреть, если на самом деле этого не было! Дело в том, что юный буси был обязан оставить на отрубленной голове свой знак, который смог бы доказать недоверчивому родителю, что его сын действительно приходил на указанное ему место.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Когда Ямамото Китидаэмону исполнилось пять лет, его отец Дзиньэмон приказал ему зарубить собаку, а в возрасте пятнадцати лет ему велели казнить преступника. Когда-то в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет всем предлагали проявить мужество и обезглавить человека. Так, господин Кацусигэ в молодости получил от господина Наосигэ приказ практиковать казнь с помощью меча. Говорят, что тогда он был способен зарубить подряд не менее десяти человек...

Если углубиться в дух человека, который находит эту практику неприятной, легко увидеть, что он проявляет изобретательность в поиске оправданий своей боязливости. Однако Наосигэ приказывал своему сыну совершать обезглавливание потому, что этим обязательно нужно заниматься».

Юным самураям обязательно было изучать наставления тех, кто принимал участие в казнях. Ну, например, такие, как в книге восьмой «Кодекса Бусидо»: «Человек, отрубивший пятьдесят голов, как-то сказал: „Когда рубишь головы, иногда бывает, что туловище начинает противодействовать. Так, когда отрублены три головы, сопротивления все еще нет, и ты рубишь хорошо. Но когда дело доходит до четвертой или пятой, ты начинаешь чувствовать небольшое противодействие. Поскольку это очень важно, всегда лучше рубить так, чтобы голова упала на землю. В этом случае человек заведомо не совершит ошибку“».

В семьях самураев вообще был широко популярен особый способ воздействия на мальчиков — татакинаси, или исправление с помощью наказания, когда провинившемуся как бы объявлялся всеобщий бойкот.

Сами юные буси общались и дружили друг с другом по строгой иерархии: например, старшего по возрасту называли когасира (голова). Чем моложе был ребенок из семейств самураев, тем меньше была его значимость.

Дети воспитывались в умении контролировать свои действия и не выражать вслух и слишком эмоционально свои чувства. Любящая мать могла сказать своему плачущему малышу: «Как не стыдно! А что ты будешь делать, если тебе отрубят в битве руку или тебе придется сделать харакири?» Хороший, чисто материнский, вопрос! Тут уместно процитировать Г. Востокова, тоже отмечающего у японцев сдержанность в проявлении чувств: «Выражать при посторонних сильную радость, печаль или страх считается у них неприличным. Это придает в глазах некоторых поведению японцев характер фальши» [\[4\]](#).

Испытанием для мальчиков становилось также чтение нравоучительных историй. Они были самыми первыми сводами моральных правил детей самураев. Так, в одном из подобных рассказов говорилось о том, как мальчик в страшную стужу лег на лед замерзшей реки, чтобы

растопить его теплом своего собственного тела и достать рыбы для своей мачехи.

Ты верен своей семье? Значит, ты — самурай. Следовательно, ты будешь верен и своему государю, ибо он и есть истинный отец каждого буси.

Один из правителей токугавской Японии, князь Мито Мицукуни (1628–1700), мог сказать самураям следующее: «Когда ваш отец виновен в государственной измене, я не склоню вас к измене ему; поступить так значило бы погрешить против справедливости. Сыновняя любовь и верность суть одинаковые добродетели, поэтому вы лично должны знать, как поступить в подобном случае, я представляю решение подобного вопроса вашей совести». И совесть юного самурая решала в пользу господина.

И вот в пятнадцать лет детским испытаниям юного буси приходил конец. Он получал настоящие боевые мечи, расстаться с которыми уже не имел никакого права до конца своей жизни.

По древнему обычаю самурая делали соответствующую прическу — сакаяки: обривали у лба волосы и завязывали оставшиеся на макушке в узел — мотодори. После этого на голову юноши водружался специальный головной убор — эбоси. Сам обряд, начиная с периода Нара (710–794), назывался «какак-но сики», или «первое ношение короны». Короны Служения.

Получив оружие и пройдя через обряд, молодой буси делался свободен и независим в своих действиях: он становился полноправным членом своего сословия.

И вот тогда ему посвящали действительно настоящий праздник — тора (по-японски «тигр»). Тора, то есть тигр, становился талисманом юного самурая. Ведь тигр — это символ мужества, отваги и крепкого здоровья. Согласно древнему поверью, этот зверь обладает магической способностью оберегать человека от злых духов и страшных снов.

Поэтому торжественное шествие в честь юного самурая со звоном колокольчиков и россыпной дробью маленьких цуцуми (барабанов), в котором было множество участников в ярких одеждах, было великолепно. Тем паче что в руках самурай несли зеленые ветки с прикрепленными к ним талисманами — изображениями тигра.

Столкновение с современностью

После долгого и продолжительного путешествия мы наконец-то прибыли в гостиницу. Нас встретили два маленьких и казавшихся до невозможности доброжелательными японца. Они по-японски детально и досконально рассказали нам о наших номерах и технике, которая была в них. Самым трудным, как оказалось, было понять, как пользоваться... туалетом, вернее, в буквальном смысле этого слова, «космическим» японским унитазом. Другой загадкой была стиральная машина, где все кнопки обозначались японскими иероглифами, а также чайник в виде большой пластмассовой кастрюли, который автоматически поддерживал определенную температуру, в результате чего мы могли в любое время попить чайку. В общем, все было удобно, хотя и не очень понятно.

Решив отдохнуть с дороги, я включил телевизор. И понял, что японское телевидение — это нечто. Таких совершенно безумных программ и шоу я не видел еще нигде. Тебя накрывает целый поток информации, японцы в ярких и необычных одеждах и с панковскими прическами беспокойно обсуждают какие-то темы, просто ни на секунду не замолкая, устраивают шоу с переодеванием в женщин, и при этом на голубом экране постоянно мелькают огромные яркие иероглифы и анимэшные персонажи. Спокойные и уравновешенные в повседневном своем бытии, японцы на телевизионных шоу и просто в жизни — на вечеринках — вытворяют такое,

что мы не делаем даже в состоянии самого сильного алкогольного опьянения.

И тут же мне вспоминается другое:

«...изгнанные из Японии миссионеры в свое оправдание и по ненависти к народу, не давшему им себя обмануть, представили японцев перед глазами европейцев народом хитрым, вероломным, неблагодарным, мстительным — словом, описали их такими красками, что твари гнуснее и опаснее японца едва ли вообразить себе можно. Европейцы все такие сказки, дышащие монашескою злобою, приняли за достоверную истину. Уверенность европейцев в мнимых гнусных свойствах японцев простирается до того, что даже в пословицу вошли выражения: „японская злость“, „японское коварство“ и прочее. Но мне судьба предназначила в течение двадцатисемимесячного заключения в плену сего народа удостовериться в противном», — писал в своих записках капитан В. М. Головнин, пробывший в плену у японцев в 1811–1813 годах.

Как различить, где реальность и где карикатура на нее?

«ОЯ — КО» / «Учитель — ученик»

В XVIII веке на острове Окинава жил великий мастер Чатан Яра. Зарабатывал он на жизнь переводами с китайского языка, а по вечерам преподавал боевые искусства (созданные Ярой ката — формальные упражнения — с бо и сай дошли до наших дней и носят его имя: чатан-яра-но бо и чатан-яра-но сай). И вот в один из вечеров Яра заметил у своего дома молодого человека с парой сай в руках. Молодой человек представился:

— Сирома с острова Хама Хига.

Яра же рассматривал оружие в руке Сирома. Хорошие сай, вот только покореженные и местами ржавые. Видно, что Сирома любит использовать свое оружие, но не любит за ним ухаживать.

— Что привело тебя в мой дом, Сирома? — спросил Яра.

— Я ищу учителя, — ответил Сирома. — И я пришел к вам.

Но Яре не нужен был ученик. Он и так был слишком занят.

Сирома начал уговаривать учителя:

— Я проделал долгий путь не для того, чтобы услышать, что вы не берете учеников.

Докажите, что вы сильнее меня!

В его взгляде Яра увидел вызов.

— Хорошо, — сказал он. — Я буду драться с тобой. Встретимся перед закатом на вершине холма.

И пошел домой начищать оружие. Вечером противники встретились. Они встали друг напротив друга и поклонились, как требовали правила вежливости. Сирома старался обойти вокруг Яры так, чтобы солнце оказалось у него за спиной и светило Яре в глаза. Яра понял его замысел. Известная тактика, проверенная временем. Слепить противника солнечным лучом и сразу же нанести удар. Сирома заметил, что Яра моргает, и решил атаковать. Но вдруг увидел перед глазами яркую вспышку света. Он инстинктивно отскочил назад и попытался отодвинуться от противника. Но не успел. Холодное острие сай Яры уже уперлось ему в горло.

— Что это было? — спросил Сирома.

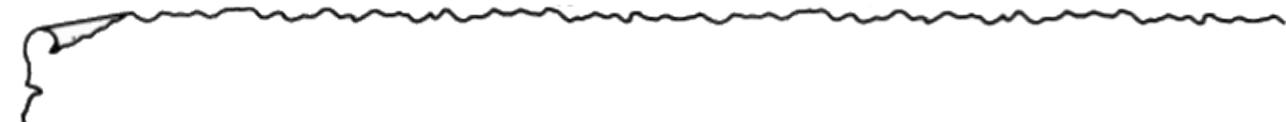
Яра поднял сай. Поймав луч заходящего солнца на блистающее чистотой острие оружия, он направил его на грудь Сирома, а потом вверх — ему в глаза.

— Спасибо вам за урок, — сказал Сирома. — Я понял, что мне еще есть над чем работать.

Яра кивнул.

— *Например, сегодня вечером не забудь почистить сай,* — сказал он.

К чему эта легенда? ^[5] Да к тому, что быть самураем — это Учение и Подчинение Учителю.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Мастер меча преклонных лет сказал следующее: „В жизни человека есть этапы постижения учения. На первом этапе человек учится, но это ни к чему не приводит, и поэтому он считает себя и других неопытными. Такой человек бесполезен. На втором этапе он также бесполезен, но он познает свое несовершенство и видит несовершенство других.

На третьем этапе он гордится своими способностями, радуется похвале других людей и сожалеет о недостатках своих друзей. Такой человек уже может быть полезен. На высшем же этапе человек выглядит так, словно ничего не знает. Это общие этапы. Но есть также еще один этап, который важнее всех остальных. На этой стадии человек постигает бесконечность совершенствования на Пути и никогда не считает, что прибыл. Он точно знает свои недостатки и никогда не думает, что преуспел... Совершенствование не имеет конца“».

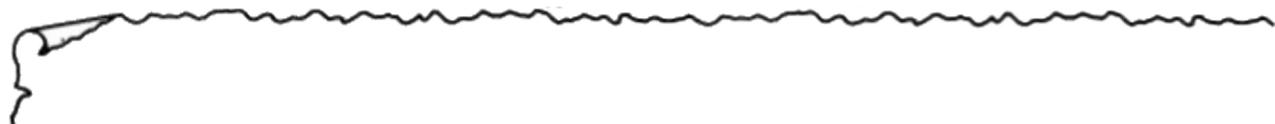
Учитель молодого самурая пользовался громадным уважением. Авторитет наставника юного буси был настолько высок, что все его приказы выполнялись беспрекословно. Популярным в среде самураев было следующее высказывание: «Родитель тот, кто произвел меня на свет, учитель тот, кто делает меня человеком». В другом изречении было сказано еще более емко: «Твой отец и мать подобны Небу и Земле, твой учитель и господин — Солнцу и Луне». А еще были требования рэй, смысл которых можно свести к следующему изречению: «Отношения между старшим и младшим подобны отношениям между ветром и травой: трава должна склоняться, если подует ветер». Учитель — это первая духовная составляющая становления психологии юного буси. То, что делал Учитель, невозможно было измерить и оценить. Его услуги были вроде бы неосвязаемы и в то же время неизмеримо бесценны. За них следовало бесконечно почитать и превозносить Учителя.

Потому что Учитель дает молодому самураю нормы гири. В японском «гири» буквально означает «справедливый принцип». Произошло оно от слова «гиси» — «верный вассал, человек чести и долга, человек благородства». То есть опять все так или иначе связано с самураями. Гири — это и обязательства, и ритуал выполнения обязательств, и долг благодарности. Другими словами, это долг благородного человека. Неслучайно один из знаменитых самураев говорил, что «благородство — это способность души принять определенное решение. согласно с совестью, без колебания», а другой самурай заметил, что без понятия о благородстве «ни талант, ни наука не могут выработать характер самурая». В «Кодексе Бусидо», в третьей книге о гири, будут сказаны потрясающие вещи: «Ничто не чувствуется так глубоко, как гири. Порой даже после смерти двоюродного брата не хочется проливать слезы. Но иногда узнаешь о человеке, который жил пятьдесят или сто лет назад, о котором не знаешь почти ничего и с которым не имеешь никакого родства, и все же из чувства гири проливаешь слезы».

Нормы гири в сознании японцев всегда были неотделимы от ниндзё, что в переводе означает «человеколюбие». Да, суровых самураев учили и человеколюбие! Молодые самураи считали, что ниндзё отражает подлинные чувства, не порабощая человека. У японских самураев

было даже изречение: «Поскольку чувствую ниндзё, соблюдаю гири, соблюдая гири, вызываю к себе чувство ниндзё». В книге Иосисоки Нода «Introduction to Japanese Law» описал нормы гири у самураев. У них считалось, что человек, не проявляющий гири по отношению к тому, к кому оно должно проявляться, был достоин только презрения. Однако считалось, что к гири нельзя принуждать и тот, кто заставлял другого исполнять гири, сам оказывался его нарушителем. Самураи говорили, что те, кто отступает от норм гири, теряют лицо. Такие буси начинали восприниматься как безнравственные личности. В свою очередь, отступники должны были испытывать чувство стыда, они «не могли смотреть людям в глаза».

И поскольку стыд неразрывно связывался у самураев с совестью, которая побуждала юного буси к самоуважению, то можно сказать, что гири стимулировало нравственное поведение самурая.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Когда преступникам выносили приговор, Накано Кадзума всегда делал наказание не таким строгим, как предполагалось вначале. Эта мудрость была доступна только ему. Тогда приговор могли выносить несколько человек, но если бы не Кадзума, никто из них не проявил бы милосердия».

А еще Учитель наставлял юного буси следующему:

«Хочешь быть истинным самураем? Научись кланяться!»

Научись кланяться!

В 1906 году Какудзо Окакура писал в «Книге о чае»: «Наш этикет начинается с изучения того, как предлагать человеку веер, и заканчивается правильными жестами для совершения самоубийства».

Начиная со Средневековья в Японии вообще все приветствия всегда сопровождалось поклонами. Одзиги, то есть поклон, являлся важной составной частью учения юного воина. Кто же, кому и как отвечивал поклоны?

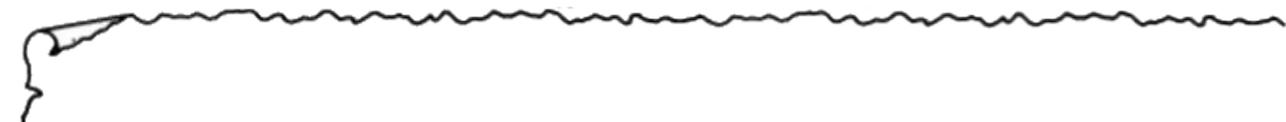
Естественно, кланялись старшему, мужчине, Учителю. Даже если ученик однажды сделается сёгуном и после этого вдруг встретит своего бывшего Учителя, он будет кланяться ему столь же низко, как и в годы раннего ученичества. Ибо Учитель сделал его человеком.

У самураев существовало три вида поклонов: сайкэйрэй, церемониальный и легкий поклоны. Сайкэйрэй был высшей формой приветствия, поклоном, который совершался медленно, глубоко и выражал полнейшее, абсолютное почтение. При церемониальном поклоне корпус самурая должен был наклоняться на двадцать-тридцать градусов и в таком положении оставаться приблизительно две-три секунды. Если кого-либо приветствовали сидя на полу, то руки самураи клали на пол ладонями вниз на расстоянии десяти-двадцати сантиметров друг от друга, а голову склоняли так, чтобы она находилась над полом на высоте десять-пятнадцать сантиметров. В случае легкого поклона делался небольшой наклон корпуса и головы, продолжающийся лишь одну секунду. Руки при этом самураи держали по бокам или на коленях.

Возможно, вам все эти поклоны и покажутся чем-то до крайности громоздким. Однако

именно с них начиналось для самураев общение людей.

В XX веке Всеволод Овчинников напишет в своей книге «Сакура и дуб»: «Японская вежливость... это нормы подходящего поведения, внедренные в быт острием меча. Она сложилась на основе феодального этикета, нарушение которого считалось тягчайшим преступлением. Черты этой древней дисциплины доныне видны в поведении японцев. Японская вежливость — это не низкие поклоны, которые выглядят весьма нелепо в современной уличной толпе или на перроне метро. японская вежливость — это прежде всего стремление людей при любых контактах блюсти достоинство друг друга; это искусство избегать ситуаций, способных кого-либо унижить. Раз мораль требует от человека хранить свою репутацию незапятнанной и мстить за нанесенные оскорбления, он, по логике японцев, должен всячески остерегаться случаев, когда в этом может возникнуть необходимость» [\[6\]](#).

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Один человек хвастал: „Такой-то очень вспыльчив, но я прямо о сказал ему, что...“ То, что он сказал, можно было бы не говорить, потому что сказавший прослыл грубым человеком. Такое поведение недостойно похвалы, потому что все еще является незрелым. Самураи уважают за его хорошие манеры. Говорить с другим таким образом — все равно что участвовать в ссоре копьеносцев из низшего сословия. Это пошло».

«Когда разговариваешь со старшими или влиятельными людьми, следует быть осмотрительным и не высказываться много о таких вопросах, как учение, мораль и традиции. Подобные высказывания звучат неучтиво».

Благодаря родителям, покровителю и Учителю юный самурай вступал на Путь — Путь воина.

Рай самураев

Маленькая девочка со всех ног бежала через лес.

Была она тоненькой, а детской девичьей одежды не носила — были на ней лишь рубашонка и штанишки. Так удобнее бегать. Она хорошо знала дорогу и размахивала крепко сжатыми кулачками, таким образом помогая себе во время бега. Каждую сотню шагов девочка выкрикивала одну и ту же фразу:

— Наконец-то!

И вновь через сотню шагов:

— Наконец-то!

Была она быстронога, словно молодой олененок. Деревья мелькали, темные пятна сменялись на яркую зелень, волосы девочки развевались на бегу.

— Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то! — задыхалась она.

Никто не мог услышать ее в глухом лесу, но вскоре девочка выбралась на дорогу, которой бежала уже тысячи раз, дорогу, извивавшуюся змеей.

И вот на горизонте появились долгожданные первые дома, деревня, в которой как раз и обитала девочка. Домишко, где она жила с четырьмя своими братьями и двумя сестрами, девочка смогла бы безошибочно распознать и с закрытыми глазами в кромешной тьме, даже с

мешком на голове. Все это уже было испробовано ею в их играх.

Акира, которому лишь совсем недавно миновало двадцать лет, самый старший из братьев, сидел у дома и играл на свирели. Иногда он даже зарабатывал на хлеб сим искусством. Младшая сестра со всех ног кинулась к нему. Девочка задыхалась, длинные волосы растрепались, ленточку же она потеряла во время бега.

— Наконец-то! — выдохнула она прежде, чем Акира смог что-либо сказать или сделать. — Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то!!!

— Состязание за меч и звание самураев?

— Да, состязание!

— Ты видела собственными глазами?

Она подалась вперед, уперлась руками в колени и отдышалась:

— Люди сёгуна развешивали объявления даже на деревьях. Я ни одного сорвать не могла, слишком высоко, но один из добрых людей прочитал мне его. Состязание начнется через четыре дня. Драться будут не на жизнь, а на смерть.

Лицо Акиры накрыла тень пролетевшей птицы.

— Не на жизнь, а на смерть. Как я и опасался. Но мы все уже решили. Выходим еще сегодня.

— Я с вами, да? Ты же позволишь мне пойти с вами?

— Мы же уже все решили, Лицин. Мы пойдем вдвоем, и этого довольно. Большой город слишком опасен для таких людей, как мы.

— Но кто же тогда будет переживать за тебя? У всех остальных бойцов будут свои зрители!

Акира наклонился и нежно обнял сестру:

— Когда люди увидят наш меч, увидят, как я борюсь, вот тогда они и начнут переживать за меня, это я тебе обещаю.

— Но я хочу быть рядом!

— Мы обо всем расскажем вам, когда вернемся домой.

Внезапно Лицин нахмурилась:

— А что значит «не на жизнь, а на смерть»? — Ее личико было серьезно, а нижняя губка чуть оттопырена в волнении.

Акира задумался на мгновение:

— Это значит... ну... каждый из борцов клянется драться как можно лучше.

Лицин сдвинула бровки:

— А если вы будете драться лучше всех, вы победите?

— Да. Только тогда мы и сможем победить...

Их было семеро детей, детей героя Текемады и его жены Гуаны.

В свое время Текемада был знаменитым защитником преследуемых и обманутых, одержавшим победу во множестве сражений. Сначала он бился за армию Шести императоров, а затем завоевывал славу своим знаменитым мечом Коцекиром. Повсюду в стране до сих пор судачили о том, что Текемада зарыл все свои сокровища в землю и повезет тому, кто сможет отыскать их.

Когда Лицин, седьмая из их детей, была еще совсем мала и не могла говорить, Текемада вернулся с поля сражений с болезнью, которой заразил и мать своих детей. Впрочем, все дети остались здоровыми, болезнь передавалась лишь из-за того, чем отец тайно занимался с матерью, и, как он говорил, только с ней одной. С каждым днем силы родителей угасали. Акире было тогда тринадцать лет, и он заботился о них, да и второй по старшинству брат, Токото,

что был младше Акиры на два года, помогал ему чем мог. Но уже через полгода родители умерли, и семеро детей героя Текемады остались сиротами.

Пока отец еще помнил об укрытых сокровищах, Акира составил карту. Четыре года странствовал юноша по всей стране в поисках спрятанных отцом богатств, а Токото следил за младшими братьями и сестрами. Они смогли найти лишь меч героя Коцекир. И теперь их ждало состязание на звание самураев.

Братья замотали бесценный меч в простую тряпицу и укрыли его от нескромных взглядов в узле со скорбом Акиры.

Пятеро младших стояли у дверей дома, когда Акира и Токото направились в опасный путь в Осаку. Никто, кроме самой старшей сестры, не знал, что означает «не на жизнь, а на смерть» и что ни Акира, ни Токото вполне могут никогда не вернуться домой...

Что такое присутствие Ничто? Ищи молчания сердца, юный друг.

Без оружия. Совсем без оружия. Учись молчанию сердца.

Следуй за ходом солнца. Следуй, следуй.

Что такое присутствие Ничто? Что такое присутствие Ничто?

Умой лицо в крови твоих врагов. Учись высоким мыслям. Узнай наши мысли. Они — твое происхождение.

И твое имя в будущем тоже станет Ничто. Ищи. Иди. Познай. Следуй. Мысли. Будь. Ищи. Ищи. Ищи.

Ищи присутствие Ничто.

Столкновение с современностью

Рядом с гостиницей мы обнаружили парочку необходимых для нормального существования магазинов. Один из них назывался «Ка ЭС», его мы сразу окрестили «Кашкой». Это был мини-магазинчик, чем-то напоминающий наши «24 часа», в которых продаются продукты, сигареты и пиво. Кроме того, в «Кашке» продавались анимэшные журналы с эротической тематикой, жанр которых по-японски называется хэнтай, то есть «извращенец». Японцы могут изучать их целыми часами, причем делают это прямо в магазине: просто стоят у прилавка и читают. Часто, когда у меня внезапно в час ночи просыпался зверский аппетит (виновата во всем была разница во времени — как-никак шесть часов!), я шел в этот магазин за едой и даже ночью видел парочку японцев-завсегдатаев, в самозабвенном экстазе, что сродни погружению в медитацию, читавших хэнтай.

Анимэ вообще стало неотъемлемой частью культуры Японии. Анимэшные персонажи можно увидеть везде — в рекламе, на магазинах, даже в учебниках и картах. Причем почти все персонажи отличаются огромными глазами, что, по мнению некоторых маститых японистов, является отражением комплексов японцев по поводу их собственного узкого разреза глаз. Лично я так не считаю, просто анимэ очень стильно и хорошо сочетается со всей навороченной техникой японцев — оно делает ее мягче и дружелюбней по отношению к человеку, одушевляя даже машины.

Я смотрел на японцев, восторженно созерцающих хэнтай, и вспоминал другое:

«Чем ближе знакомятся европейцы с японцами, чем пристальнее всматриваются в них, в уклад и строй японской жизни, тем яснее становится им, что в лице Японии они имеют дело со страной, проникнутой совершенно своеобразным, вполне самостоятельным духом, зрелым и

глубоко разработанным. Особенно поражает европейца, что на всем протяжении Японии, с крайнего севера и до крайнего юга, он встречает совершенно одинаковую форму семейного и общественного быта, совершенно одинаковый строй понятий, воззрений, наклонностей и желаний», — писал Г. Востоков в 1904 году в работе «Общественный, домашний и религиозный быт Японии».

Как примирить грани реальности и грани карикатуры на нее?

Глава вторая

ВЫБЕРИ СВОЙ ПУТЬ

Меч истории Пути

...Весной 1592 года войска некогда могущественного клана Такэда были почти полностью уничтожены. Армия противника в десятки раз превосходила силы клана. Предводитель Такэда сбежал, и его войска тоже были обращены в бегство. Находившийся долгое время в опале самурай Цутия Содзо со словами: «Где же теперь те, кто ежедневно произносили храбрые речи?» — один бросился на поле боя и погиб в сражении, исход которого был очевиден. Ибо это — бусидо. Ибо «путь самурая обретается в смерти».

...В 1944 году, поздней осенью, лейтенант военно-морских сил Японии Тэси Харуо находился на небольшом острове в Тихом океане. Однажды его гарнизон получил по радио сообщение о том, что крупное американское соединение движется к Филиппинам, уничтожая на пути все японские гарнизоны. Возможность бегства даже не обсуждалась. Лейтенант проверил, безупречно ли выглядит его форма, и приготовился встретить смерть. Предварительно он написал родителям:

«Не плачьте по мне. Хотя тело мое превратится в прах, мой дух вернется в родные края, и я навсегда останусь с вами, моими друзьями и соседями. Я молюсь за ваше счастье» ^[7].

И все это — бусидо. Ибо «когда для выбора имеются два пути, существует лишь быстрый и единственный выход — смерть. Это не особенно трудно».

В сущности, Инадзо Нитобэ далеко неслучайно написал в книге «Bushido — the soul of Japan» («Бусидо — душа Японии») о том, что «всем, чем является Япония, она обязана самураям. Они были не только цветом нации, но и ее опорой. Все дары Небес воспринимались через них». Одним из таких «даров Небес» стал «Бусидо». Это, с одной стороны, моральный кодекс самураев, а с другой — изначальный дух японской нации, со временем ставший традицией.

Само слово «бусидо» состоит из трех иероглифов, первые два составляют слово «буси» — воин. Древний китайский словарь Шу Вэнь так объясняет идеограмму «бу»: «Бу заключается в способности подчинить себе оружие и, следовательно, остановить копье». В книге Цзы Чуань говорится, что «бу» включает в себя «бун», то есть литературу, каллиграфию и, в более широком смысле, все невоенные искусства. И к этому мы еще обязательно вернемся.

Иероглиф «си» в современном японском языке означает «воин и мужчина», а также — «благородный человек». А вот первоначально иероглифом «си» определялись люди, обладавшие мастерством в некоей сфере деятельности, но всегда готовые взяться за оружие, когда это необходимо.

Третий иероглиф «до» обозначает сам «Путь». Именно «Путь» станет одним из наиболее важных понятий восточной философии. «Можно сказать, что „Бусидо“ — это одновременно эзотерическое и экзотерическое учение», — писал Инадзо Нитобэ.

Вернемся все же к самой истории зарождения «Кодекса Бусидо». Поначалу самураи владели земельными наделами, но позже указом сёгуна Иэцуна (1641–1680) земли у них отобрали, и воины-самураи были переведены на жалованье. Именно в сфере этих лишенных земли воинов-ронинов (ронин — самурай, не имеющий покровителя-сюзерена), которые были

вынуждены бродить по стране в поисках применения своей воинской доблести, и оформился своеобразный моральный кодекс «Путь воина». Именно ему было суждено стать неписанным нравственным идеалом общества самураев.

Впрочем, еще задолго до этого основные установки бусидо бытовали в японском народе. Тексты, вошедшие в «Путь воина», рассказывали об идеалах своего сословия. Эти наставления старших молодым буквально искрятся жизненной энергией и силой.

Один из таких мудрецов-самураев, Сиба Есимаса (1350–1410), говоря о культуре воина, удивительно красноречив и убедителен. Всю свою жизнь он провел в борьбе. Это были и военные, и чисто политические стычки. Но только экстремально занятой человек способен найти время для совершенствования. Сиба Есимаса его находил. Он активно занимался каллиграфией и поэзией. В своем произведении «Тикубасе» Сиба Есимаса пишет, что самураю следует стремиться быть образованным. Ибо Путь воина — это путь совершенства и в искусствах, и в воинском деле.

Другой самурай «Пути», Като Киёмаса (1562–1611), тоже поощряет учение. Ибо и ему ясно: самурай должен быть гармоничной личностью. Только такая личность способна вступить на «Путь».

По указанию Токугава Иэясу самураи были не только переведены на жалованье. Нет, в первые же годы его прихода к власти было составлено «Уложение о самурайских родах» («Букэ сё хатто»), определявшее моральные нормы самурая на службе и в его личной жизни. Еще одним сочинением, посвященным догматам бусидо, было двадцатитомное описание подвигов князя Такэда Сингэна, авторами которого были Косака Дандзё Нобумаса и Обага Кагэнори. Позднее появится труд «Начальные основы воинских искусств» («Будо сесин сю»), созданный Дайдодзи Юдзаном. В 1716 году вышли 11 томов «Хагакурэ», или «Сокрытого в листве». Именно «Хагакурэ» суждено было стать откровением самураев. Создал его Ямамото Цунетомо, монах, а в прошлом самурай клана Сона на южном острове Кюсю. После смерти своего господина, даймё Набэсима Наосигэ, при котором он долгое время состоял советником, Ямамото собирался совершить сеппуку, традиционное самоубийство, но получил отказ. Сгорая от стыда, Цунетомо принял постриг и всю оставшуюся жизнь посвятил созданию книги о догмах самурайской чести.

Название «Хагакурэ» он позаимствовал из стихотворений Сайге, бонзы-отшельника:

«При виде цветка, который живет, укрывшись, под листьями,
Я испытываю такое чувство, словно вижу свою тайную любовь».

По-японски это звучало так:

«Хакакурэ-ни тиритодомарэру хана номи дзо,

Синоби си хито-ни оу кокоти суру» [\[8\]](#).

«Хагакурэ» известно также под названием «Набэсима ронго», то есть «Афоризмы Набэсима» — правителя провинции Хидзэн на острове Консю. В японских легендах говорится: «Правители клана Набэсима отличались умом и проницательностью. В этом отношении они могут считаться образцом. Эти самураи не отличались роскошью доспехов, золото не блестело на эфесах их мечей, зато всем были хорошо известны их верность и мужество» [\[9\]](#).

Рассказывая о различных событиях в самурайской Японии, Цунетомо создал кодекс японского рыцарства. Его истории навсегда укоренились в памяти японцев, внедрились в умы всей нации.

«Завершив дневные дела, люди собирались вечером в своих домиках вокруг „хибати“ (маленькие переносные горшки-жаровни. — Э. К.), чтобы вновь и вновь послушать многочисленные рассказы об отважных воинах прошлого, — напишет в книге „Бусидо — душа Японии“ Инадзо Нитобэ. — Об отважном Минамото Есицуне и его преданном слуге Бенкей, о

двух братьях Сога и т. д. При красных отблесках догорающих в хибати угольков юные сорванцы слушали, притихнув и разинув рты, внимая всем сердцем, истории о подвигах героев древности. И позабыв про ежедневную рутину жизни, они уносились на крыльях мечты, верша во снах подвиги своих кумиров».

Так что же это значило — вступить на «Путь воина»?

Столкновение с современностью

По всей видимости, о русской мафии у японцев сложилось вполне определенное впечатление. Лично мне обо всем сказал один случай, который произошел, когда мы отправились в японскую баню — Онсэн, то есть «горячие источники». Такие горячие минеральные источники, бьющие из гор, создают в природе целые озера, в которых, кстати, помимо людей очень любят купаться и обезьяны. Вода в них крайне горячая, но тело быстро привыкает к ней, и в Онсэне можно просидеть достаточно долго. Зато потом чувствуешь себя словно заново родившимся. Мы, правда, отправились в искусственный Онсэн, расположенный на искусственном же острове, возведенном, как водится, на утрамбованной свалке. На нем находится целый остров развлечений — американские горки, аттракционы и этот самый, совершенно замечательный, Онсэн. Более шикарную баню вообще трудно себе представить.

Там все сделано очень красиво, а кроме того, сохранен традиционный японский дух. Посетителям выдают кимоно, в которое они должны переодеться, и они чувствуют себя как самые настоящие самураи.

В случае с нами было, правда, одно лишь «но», зато существенное: в Японии татуировки считаются частью культуры якудза (японская мафия), поэтому показывать их в публичных местах категорически запрещено. Наши же бледные русские тела у многих были сплошь покрыты татуировками. Что же делать? На этот случай в японских банях выдается специальный пластырь, которым заматываются места с татуировками. С мумиями в Онсэне туговато, а наши ребята превратились как раз в мумий. Так что похожи мы стали не на японских самураев, а на русских якудза.

Вспоминая поход в Онсэн, думаю про другое.

«...то, что создается веками, не может исчезнуть в десятилетия. Как старое и новое сплелось в Японии — какими силами? Говорят, что сердцем Япония — в старом, а умом — в новом. Быть может, ум и сердце японского народа идут рука об руку. Но, во всяком случае, каковы те силы, которые есть в японской старине, силы, давшие народу умение принять все новое», — писал в «Камнях и корнях» в 1935 году Борис Пильняк.

Опять столкновение все тех же граней — реальности и карикатуры на нее.

Вступи на Путь верности

Так что же такое «Бусидо»? Что такое «Путь»?

Вероятно, это путь, который «приказывает сражаться бешено, насмерть». А еще «Путь воина» — это понимание того, что ты не знаешь, что может случиться в следующий миг, и готовность решительно действовать в «мимолетных обстоятельствах».

Самурай всю жизнь стремится к тому, чтобы никогда не отступать от Пути. Один из знаменитых самураев по имени Сэнэнори даже скажет: «В пределах одного вдоха нет места иллюзиям, а есть только Путь».

Но в первую очередь Путь воина — это Путь верности.

Из истории известно, что самураи появились как вооруженная дружина местных феодалов. От них требовалась слепая верность господину, с которым буси находился в отношениях покровительства и служения. Клятв в верности самураи при этом не давали — это считалось бы унижением их чести. Кстати, такое понимание чести сказалось даже на лексике японского языка. Инадзо Нитобэ считает, что в японском языке нет слова «ложь»: слово «усо» употребляется как отрицание правдивости, то есть «макото», либо же факта, то есть «хонто».

В «Кодексе Бусидо» считалось, что без беспрекословной преданности не было бы никаких других добродетелей. На преданности господину в Японии воспитались многие поколения людей. В рескрипте 1890 года по вопросам просвещения император Муцухито среди всего прочего сказал: «Вот основные начала воспитания для наших подданных: будьте преданы вашим родным. и верны вашим друзьям».

Широко известна в Японии и за ее пределами знаменитая история 47 ронинов, отомстивших за смерть своего даймё и приговоренных за это правительством сёгуна к харакири. События эти происходили в 1702 году. Один из самураев высшего ранга по имени Наганори Асано во время подготовки к приему посла во дворце сёгуна был оскорблен другим феодалом, князем Кодзукэноскэ Кира. История умалчивает, специально ли тот спровоцировал даймё или же сделал это по небрежности. Но оскорбленный Наганори бросился на своего обидчика и обнажил во дворце сёгуна лезвие малого меча. Он не мог не отомстить, ибо этого требовала мораль японского рыцарства. Но обнажить меч во дворце сёгуна являлось неслыханным преступлением. Даймё Асано был приговорен к харакири, а его самураи распущены, тем самым превратившись в ронинов. Однако 47 ставших ронинами самураев по-прежнему были верны своему казненному господину и решили мстить за него.

Долгое время 47 самураев следили за оскорбителем Асано — ведь именно из-за него погиб их сюзерен. Наконец, выбрав удобный случай, ронины ворвались в дом Кодзукэноскэ Кира и убили его.

Этот случай считали образцом для подражания. Была даже создана пьеса «Тюсингура» о 47 верных самураях. Следует отметить, что она по сей день числится в репертуаре театра кабуки.

Верность самурая была и в самом деле тесно сопряжена с понятием долга мщениа — за обиду господину либо за гибель господина или лучшего товарища. Кровная месть — катакиути — была узаконена «Кодексом Бусидо» в качестве вида нравственного удовлетворения чувства справедливости. Верность сюзерену требовала обязательной мести за оскорбление господина. Так сказать, «обиду надо заглаживать справедливостью».

Сохранилась удивительная история катакиути. Жила семья самурая — мать, два взрослых брата, один из которых, по имени Дэнко, был монахом, и малыш. Однажды мать взяла с собой на проповедь самого младшего сына. После проповеди мальчик случайно наступил на ногу незнакомцу, и тот обнажил меч и убил малыша. Мать бросилась на обидчика, но тот убил и ее. Этот незнакомец тоже был из знатных самураев рода Гороуэмон: его отец был советником некоего князя Мимасака, а младший брат аскетствовал в горах. Средний сын убитой матери, узнав о беде, решил мстить и тоже был убит родней Гороуэмона.

Тогда и Дэнко, несмотря на то что он был буддийским священником, все равно решил отомстить убийце своей матери и братьев. Зная, что его накажут, он направился к мастеру меча Иёнодзё и попросил его сделать ему длинный и короткий мечи. Более того, священник пожелал стать учеником мастера. Ровно год длилось его ученичество, и вот Дэнко был готов к осуществлению своего замысла. Одевшись в наряд простолюдина, он направился в дом врага. Месть удалась, но даймё Мимасака был вне себя от ярости. Он обратился к Таннэну, главному

священнику Ко-дэндзи, и сказал:

— Когда священник убивает человека, его нужно приговорить к смерти.

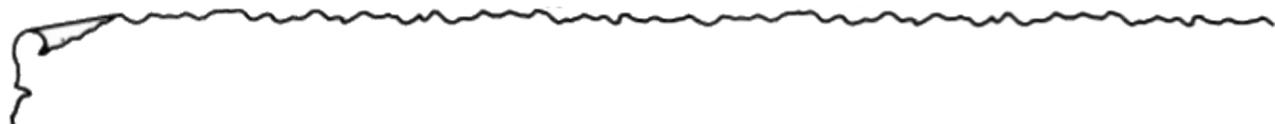
— Приговор духовному лицу может вынести только традиция храма Ко-дэндзи, — ответил главный священник.

Господин Мимасака рассердился еще больше и спросил:

— К чему же его теперь приговорят?

— Хотя вам этого знать не полагается, — отвечал Таннэн, — я все равно отвечу вам. В соответствии с законом провинившийся священник должен низложить мантию и уйти в изгнание.

Когда Дэнко отправлялся в изгнание, несколько его учеников взяли короткие и длинные мечи и ушли вместе с ним. Дэнко прожил долгую жизнь, пользуясь огромным уважением у самураев.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Зачастую месть заключается в том, чтобы просто ворваться к врагу и быть зарубленным. Это не постыдно. Если же ты думаешь, что должен вначале завершить свои дела, а потом мстить, время для мести никогда не настанет. Размышляя о том, сколько людей есть у твоего врага, ты только теряешь время, и в конце концов обстоятельства вынудят тебя отказаться от мести».

При любых обстоятельствах жертвуй собой. «Хагакурэ» сохранил и страшные, и в то же время удивительно трогательные истории подобной верности.

Фамильные реликвии знатного семейства самураев Сома под названием «Тикэн марокаси» были самыми древними в Японии. Однажды в имении Сома случился пожар, и весь дом был объят пламенем.

Самурай спокойно смотрел на пожарище.

— Мне не жалко дома и того, что в нем было, даже если он сгорит дотла, — наконец сказал Сома своим слугам. — Ведь все это можно восстановить. Я сожалею только о том, что не смогу спасти свои семейные реликвии. Ведь они — самое ценное сокровище моего рода.

Один самурай из числа слуг Сома отозвался:

— Я войду в горящий дом и вынесу реликвии.

— Но дом уже догорает, — отмахнулся от него сюзерен, а остальные засмеялись.

А самурай прыгнул в пламя. Когда дом догорел и огонь потух, Сома сказал слугам:

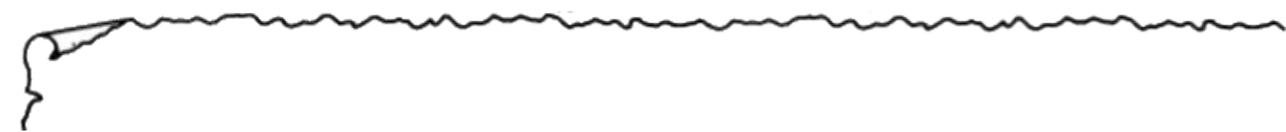
— Давайте найдем останки того смельчака. Как жаль, что он погиб!

После поисков тело слуги обнаружили в одном из помещений, прилегавших к жилым комнатам. Когда самурая перевернули, из его живота потекла кровь. Оказывается, самурай вскрыл себе живот и положил туда семейные реликвии Сома, вследствие чего они не пострадали от пожара...

А вот еще одна широко известная в Японии история самурайской преданности.

Бывшие подданные князя Митидзанэ, попавшего в страшную немилость к сёгуну и сосланного в изгнание, пытались исполнить долг верности по отношению к своему господину. Один из них даже пожертвовал жизнью своего сына ради жизни сына своего прежнего даймё. Он выдал своего ребенка врагам Митидзанэ, которые стремились во что бы то ни стало истребить род опального князя...

Все предания о знаменитых самураях и литература того времени, в которой правда переплетается с вымыслом, изобилуют примерами подобной вассальной верности.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Самурай не оставит своего господина даже в том случае, если число вассалов его сократится со ста до десяти и с десяти до одного».

«Во время сна самурая не следует ложиться ногами в сторону резиденции сюзерена. В сторону господина не подобает целиться ни при стрельбе из лука, ни при упражнениях с копьем».

«Если самурай, лежа в постели, слышит разговор о своем господине или собирается сказать что-либо сам, он должен встать и одеться».

«Хороший слуга — это тот, кто безоговорочно подчиняется своему господину... Если ты появился на свет в старинном самурайском роду, достаточно лишь глубоко задуматься над верностью предкам... и всецело посвятить себя служению хозяину».

«Быть слугой означает не что иное, как оказывать поддержку своему господину,веряя ему все свои чаяния и отрекаясь от личной выгоды... Люди высокого и низкого положения, умудренные знаниями и опытом, часто почитают себя преданными слугами, но когда нужно отдать жизнь за своего господина, у них начинают трястись коленки. Это постыдно».

«Если нужно предостеречь господина, но твое положение не позволяет этого сделать, преданность велит тебе найти человека соответствующего ранга, который поможет господину избежать ошибки».

«Человек, который служит господину, когда тот благоволит ему, — это не слуга. Но человек, который служит господину, когда тот безжалостен и несправедлив, — вот это настоящий слуга».

Экскурс. Быть щитом и мечом господина, даже если это — бессмысленный подвиг

На острове Окинава в XIX столетии жил Сокон Мацамура (1809–1898), один из величайших мастеров боевых искусств и самураев. Он служил правителю Окинавы, командовал армией и был начальником стражи правителя. Именно с ним однажды произошел случай проверки верности господину и в то же время проверки милосердия и благородства самурая.

Повелителю Окинавы доставили удивительно могучего и красивого быка на конюшни. Мацамура был в восторге от мощи животного. Но правитель Окинавы приказал ему:

— Ты убьешь его. На празднике, на ринге, убьешь голыми руками.

Мацамура поклонился повелителю и все же решил возразить своему господину:

— Мое искусство, мой господин, — это искусство защищаться, а не способ убивать животных. Может, я как-то иначе могу доказать свою преданность?

Повелитель Окинавы разгневался:

— И ты смеешь объяснять мне, как доказывают преданность? Я купил этого быка специально для тебя. Ты будешь сражаться и победишь быка. Понял?

Мацамура был расстроен. Нелегко будет сломать шею этому быку, хотя он мог бы сделать

это. Мог бы, да не хотел. Он помнил все заветы своего учителя, старого самурая. А тот говорил ему: «Пользуйся своей силой, чтобы защищать семью, беззащитных людей, но никогда не используй свою силу, только чтобы показать себя».

И Мацамура придумал. Он направился на конюшню к быку. Мысленно он вступил в диалог с могучим животным: «Мой господин говорит, что я должен убить тебя. Но ты мне не враг». Он потянулся к узлу волос на голове, вытащил шпильку. С помощью шпильки Мацамура надеялся спасти и свою жизнь, и жизнь ни в чем не повинного зверя.

Он уверенно встал перед быком в боевую стойку.

— Прости меня, друг, — сказал Мацамура.

Затем, сосредоточившись на своем энергетическом центре, он испустил страшной силы крик — киай и со скоростью молнии нанес укол шпилькой в нос быку. Так повторилось несколько раз: киай и укол шпилькой, киай и укол шпилькой.

А потом наступил день состязаний. Повелитель перед состязанием быка и человека позвал верного самурая к себе. Мацамура подошел и низко поклонился.

— Надеюсь, ты не подведешь меня, — произнес повелитель Окинавы.

Мацамура низко поклонился и покинул ложу повелителя. Подвести господина означало, кроме всего прочего, и подвергнуть опасности свою жизнь.

И вот на арену выпустили быка. В нем было столько ярости, что в толпе послышался вздох. Мацамура встал в боевую стойку. Бык заметил его и двинулся вперед. И Мацамура испустил оглушительный крик. Толпа затихла. Бык замер. Время словно остановилось. Мацамура вновь издал крик. На морде быка появилось удивленное выражение, он узнал самурая. Бык повернулся и отбежал к дальнему краю арены. Мацамура побежал за ним, и снова прогремел киай. Бык убежал от самурая. Толпа бушевала от восхищения.

— Буси! Буси! — кричала она. Повелитель поднялся со своего места.

— Мацамура, — сказал он, — сила твоя велика. Даже самый свирепый бык страны не смеет драться с тобой. С этого дня и навсегда пусть тебя называют Буси Мацамура. Ты действительно великий воин.

Рай самураев

*Гусеница, куколка, бабочка,
Несите ваш урожай.
Гусеница, куколка, бабочка,
Танцуйте дико.
Скачи, лети, беги,
Ибо ты следующим станешь —
Гусеницей, куколкой, бабочкой.*

Горящая хижина изрыгала густое пламя, душила вонью пылающих детских волос. Меж пламенем и почерневшими балками мелькала огромная тень Куколки. Над ним жар был не властен, он все еще рыскал в поисках добычи.

— Горит, словно бумага, — проворчал Бабочка. — Бумажный домик, фасад, театральная сказка.

— Взгляни. — Гусеница склонился над высокой стопкой бумаг, вытащенных из хижины. — Тут ведь одно и то же написано. Везде одно и то же.

— Ну и что? Состязание самураев? Интересно! Выходи, старик, нечего там больше делать! Все равно ничего больше не найдешь!

— Чертова неудача. Жаль, что все загорелось так быстро.

— А ты чего хотел? Ведь видно же было, что живут здесь ронины. Глупо получилось. Но вы оба не хотели даже слушать меня.

— И что? Все равно нам это ничего не стоило.

Впервые Бабочка оторвал взгляд от хижины и перевел его на своего угловатого товарища. Неужели и в самом деле ничего не стоило? А те людские жизни, что забрали они и огонь?

— Куколка, да выходи же ты наконец! Ты, мешок с костями! И что ты там ищешь?

Уродливый, огромный и широкоплечий Куколка и в самом деле выскочил из горящего дома. Он был весь испачкан сажей. Вовремя выскочил Куколка: за спиной у него в тот же миг обрушилась горящая крыша.

— Кто это тут мешок с костями? Ты, пожиратель мяса мертвецов!

— И что же? Нашел что-нибудь?

— Ничего. А вы что добыли?

— Только еду.

— И бумаги?

— Причем недурные. — Гусеница подхватил одну из них. — Великие состязания самураев в Осаке! Состоятся через несколько дней, рано утром.

— Это не для меня, я по утрам сплю, — ухмыльнувшись, отмахнулся Куколка.

— Но ведь это нам ничего не будет стоить... — задумчиво потер подбородок Бабочка.

— Нет, конечно же, задаром, — рассмеялся Куколка. — Смерть всегда дается задарма. Хотя бы она!

— Что ты задумал, Бабочка? — насторожился Гусеница. — У тебя глаза блестят так, словно ты увидел красавицу. Думаешь о награде? Думаешь, у нас есть шанс? Хочешь принять участие в состязаниях?

— Почему бы и нет?

— Но ведь там соберутся лучшие из лучших! Они тебе так надают, что.

— С чего ты взял? Трус ты!

— Я трус? — Куколка угрожающе медленно поднялся с травы. — Да я тебя...

— Я буду участвовать в состязаниях. Гусеница, Куколка и Бабочка против самураев Осаки! Это подарит нас бессмертием!

— Или смертью, — проворчал Куколка.

— Ох! Маленькины сыночки! — рассмеялся беззаботный Бабочка.

— Сукин сын, — не остался в долгу Куколка.

Ветер тянул за собой по земле нити чадного дыма. И они решили, что пора бы уже уходить с пепелища.

Экскурс. Верность долгу, когда все уже кончено

Дух бусидо, дух верности сохранился в Японии навсегда. И это наглядно видно на примере весьма примечательной истории.

В марте 1974 года, через три десятка лет после окончания Второй мировой войны, на Филиппинах состоялась «капитуляция» последнего самурая — подпоручика Онода. Японский журнал «Мантайм» подробно пересказал историю Онода [\[10\]](#).

А начиналась эта история так. В 1944 году командир войск спецназначения императорской армии майор Танигути вызвал к себе подпоручика Оноду и отдал ему следующий приказ:

— Укройтесь в горах острова Лубанг. Ваша цель — террор, подрывная работа. Мы еще вернемся на Лубанг. Все ли ясно?

— Так точно!

— Приказ этот отдал вам я. И никто другой его отменить не вправе.

Небольшой, поросший джунглями остров Лубанг находится на Филиппинах. Оказался поручик на нем не один, а в сопровождении младшего унтер-офицера Симады и рядовых первого класса Акацу и Коцука. Их война со всем миром затянулась на несколько десятилетий...

Весной 1951 года в плен сдался Акацу. В мае 1954 года в стычке с подразделением филиппинских горных стрелков был убит Симада. А еще через восемнадцать лет убили в перестрелке с патрулем Коцуку. Остался последний самурай — Онода. Для него война закончилась только 10 марта 1974 года. И завершилась при весьма примечательных обстоятельствах.

Еще в марте 1946 года по джунглям маленького островка в сопровождении американских солдат с мегафоном в руках ходил японский переводчик и сообщал самураям-«партизанам» о полной капитуляции Японии. Но Онода остался в джунглях.

В июне 1954 года на Лубанг из Японии отправилась делегация на спасение Оноды и Коцуки. Поехали туда даже родные и близкие «партизан». Но в Японию они возвращались ни с чем. В 1959 году попытку повторил родной брат Оноды. Тот узнал брата, но продолжил «выполнять приказ». В 1973 году на острове вновь появилась поисковая группа. На этот раз вместе с ней поехал отец Оноды. Старик бродил по лесам и выкрикивал строки хайку:

Сколько воспоминаний
Вы разбудили в душе моей,
О вишни старого сада!

Однако война последнего самурая все равно продолжалась. Он даже взял в «плен» молодого туриста из Японии. Для чего? Чтобы объяснить земляку, что пока отданный ему три десятка лет назад приказ не будет отменен его прямым начальником, он, истинный самурай, будет продолжать воевать.

Пришлось бывшему майору Танигути отправляться за Онодой на Лубанг. Поздним мартовским вечером отставной майор зачитал стоявшему навтыжку с винтовкой у ноги подпоручику Оноде приказ об отмене возложенного на него боевого задания. Тридцатилетняя война Оноды закончилась.

Перед телекамерой постаревший подпоручик сказал:

— Не сдавался, потому что обязан был действовать лишь по приказу прямого начальника. О гибели подчиненных не жалел. Возникло лишь желание отомстить за их смерть... О родителях не вспоминал. Полагал: раз они считают меня погибшим, значит, дух их возвышается, а это продлит им жизнь.

Дух Бусидо — это Дух Верности. А верность всегда связана с верой.

Вступи на Путь веры

...Все началось с хаоса и только затем приобрело стройность и гармонию: небо отделилось

от земли, и обособились женское и мужское начала: богиня Идзанами и ее божественный супруг Идзанаги. У них родилась богиня солнца Аматэрасу, бог луны Цукиеми и бог ветра и воды Сусаноо.

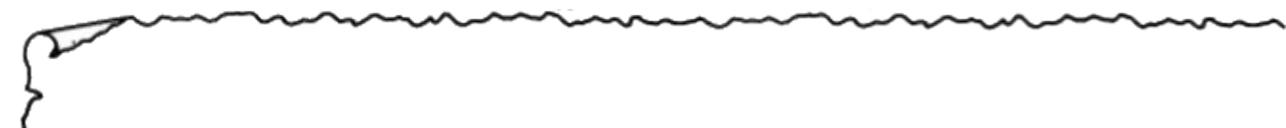
Аматэрасу и Сусаноо принялись бороться меж собой. Аматэрасу победила бога ветра и воды и осталась на небе, а Сусаноо был изгнан в страну Идзумо на землю. Внук Аматэрасу Ниниги сошел затем с неба и принял на себя управление государством Идзумо. В знак признания его божественной власти ему вручили три священных предмета: зеркало как символ божественности, меч, символизирующий могущество, а также яшму — символ верности подданных. Именно от Ниниги произошел Дзиммутэнно, мифический первый император Японии, положивший начало династии японских императоров-микадо. Титул «тэнно» означает «Верховный правитель», а меч стал не только символом могущества, но и символом-оружием самураев — воинов на Пути веры.

Впрочем, как писал Г. Востоков, «...если вы спросите у японца, какая его вера, он вас не поймет. Все, что он сумеет вам ответить, это, что, согласно обычаю, ему при рождении дали имя в синтоистском храме и что, вероятно, при похоронах его будут провожать буддийские бонзы» [\[11\]](#).

Инадзо Нитобэ, напротив, выделил в качестве основных источников «Бусидо» буддизм и синто, а также учения Конфуция и Мэн-цзы. Буддизм буддизмом, а конфуцианство конфуцианством, но то, чего самураям недоставало в канонах буддизма и конфуцианства, им в изобилии давало синто.

В синтоизме нет каких-либо нравственных заповедей, норм праведного поведения или же множественных предостережений против грехов, к каким привыкли мы с вами. Христиане говорят: «Все мы грешны перед Богом». Понятие греха — «цуми» — у японских самураев было совсем иное. Для них грехом считался не только плохой поступок человека, а вообще все грязное, неприятное. Словом «цуми» назывались и болезни, и несчастья, что сваливаются на человека, и стихийные бедствия. Так что самурайский «грех» — это любая большая беда.

Самураи поклонялись предметам и явлениям окружающего мира из чувства благодарности к природе за то, что, «несмотря на внезапные вспышки своего необузданного гнева, она чаще бывает ласковой и щедрой» [\[12\]](#).

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«...после необычных событий именно потому случаются какие-то бедствия, что люди, увидев, например, комету, думают о несчастье до тех пор, пока оно не случится. Став свидетелями такого события, они ожидают чего-то неладного и тем самым позволяют случиться очередному бедствию. Знамения имеют место в глазах смотрящего».

Синто не требовал от верующего самурая каждодневных молитв. Им было достаточно лишь присутствовать на храмовых праздниках. В быту же самураям следовало религиозно относиться к чистоте. Поскольку грязь отождествлялась у самураев со злом, очищение служило основой всех обрядов.

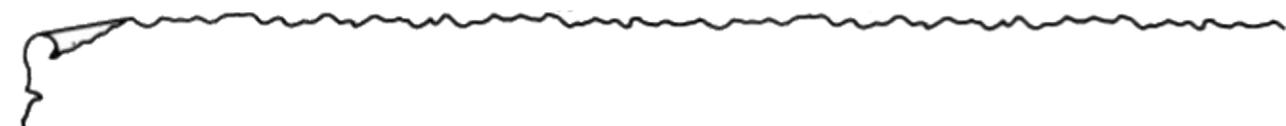
В синто было лишь одно общее правило морали: «Поступай согласно законам природы, щадя при этом законы общественные» [\[13\]](#). Считалось, что самурай обладал инстинктивным

пониманием добра и зла.

Самураям Пути следовало познавать самое себя, заглядывая в глубь своей души и ощущая божество (ками), которое непременно живет там. Буси должен был слушаться велений этого божества, ибо оно являло собой зов всех предков. Самураи должны были ухаживать за своим телом, отданным в собственность ками, потому что здоровое тело — это источник духа и энергии. У самураев был обычай, согласно которому умирающий в молодом возрасте буси просил прощения у родителей за свою раннюю смерть. Он должен был говорить примерно следующее: «Простите меня, что я от вас уйду, когда вы приближаетесь к старости. Я мог бы вознаградить вас за все то, что вы для меня сделали, но я должен уйти — такова воля неба» [\[14\]](#).

Огромный вклад в развитие Пути веры внесли монахи буддийской секты «дзен». «Бусидо» восприняло из дзен идею строгого самоконтроля. Самураю следовало также медитировать в духе дзен для мужественного вхождения в «му» — небытие.

И самураи, и дзенские монахи, веровавшие в милосердие будды Амитабы, и нищие отшельники в равной степени считали жизнь иллюзорным кратковременным эпизодом в бесконечном цикле вечной жизни.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Все в этом мире — всего лишь кукольное представление».

«Вся жизнь человека есть последовательность мгновений».

«Правильно поступает тот, кто относится к миру, словно к сновидению. Когда тебе снится кошмар, ты просыпаешься и говоришь себе, что это был всего лишь сон. Говорят, что наш мир ничем не отличается от такого сна».

Дзенский мастер Роан, когда-то тоже бывший самураем, написал такие строки:

С чем же сравнить
Тело твое, человек?
Призрачна жизнь,
Словно роса на траве,
Словно мерцанье зарниц.

Так, самураи превратили многие довольно-таки тривиальные религиозные догмы в средство воспитания собственной души. Души воина. Самурай становился носителем целого комплекса бу-дзюцу, и применение их на ратном поле зависело прежде всего от глубины презрения к смерти и даже от стремления к ней.

Верящий в свой Путь самурай был способен на многое. Широко известна история о самурае Дайю из Сансю, который прибыл к только что умершему от болезни другу и предположил, что причиной его смерти было неумелое лечение. Доктор, услышавший его обвинения, осмелился дерзко предложить Дайю силой своей веры вернуть друга к жизни. Дайю пошел в храм, потом вернулся и сел в медитации рядом с покойником. Через некоторое время тот начал дышать и зашевелился. Когда у Дайю спросили, как он смог оживить человека, тот ответил: «Я не знаю никакой специальной молитвы для оживления мертвецов. Я просто открыл свое сердце»

вере, вернулся в храм и наточил короткий меч, а затем спрятал его в складках одежды. Затем я обратился к покойнику с молитвой: „Если силы моей веры будет достаточно, сразу же возвращайся к жизни“. Если бы он не ожил, я, не задумываясь, вскрыл бы себе живот и умер рядом с ним».

Это был путь, это был «до». Он обладал «жизнедарящими силами» и помогал самураю найти «единичное бытие во всем», «войти в соприкосновение с божественным». Самурай, познавая «до», должен был достичь военного мастерства, соприкасающегося с «истинным путем».

Экскурс. Меч веры самураев из монастыря

Монахи японских монастырей далеко не всегда были просто монахами в нашем с вами понимании данного слова. Большая часть из них уходила в монастыри, пройдя мирской путь самурая.

Путь веры самурая лучше всего характеризует история монастыря Исияма Гобо. Это был огромный город, занимающий большую часть старой Нанивы, впоследствии переименованной в Осаку ^[15]. Исияма Гобо был расположен на возвышенной части Нанивы. Огромное количество бывших самураев стекалось в неприступные стены монастыря, устав от участия в бесконечных расправах сёгунов. Удивительно даровитые оружейники Исияма Гобо прославились изготовлением оружия — пик и мечей. Благодаря их высокому качеству и тонкому профессионализму художественного оформления на самурайские мечи из монастыря Исияма Гобо был огромный спрос.

В годы правления Кэн-нё, четырнадцатого настоятеля монастыря, тоже бывшего самурая высокого ранга, Исияма Гобо в конце XVI столетия прославился на всю Японию. Прославился своей непоколебимой верой и мужеством.

Дело в том, что среди князей того времени, ведших бесконечные войны с соседями, внезапно начал выделяться некто Ода Нобунага, обладатель небольшого владения в провинции Овари, основными чертами личности которого были честолюбие, коварство и жестокость.

Маленький замок в Нагоя, полученный в наследство от умершего отца, Ода превратил в самый настоящий военный штаб. Здесь он разрабатывал планы своих дерзких набегов на соседние земли. В 1560 году он разгромил войска крупного феодала Имагава и, расправившись с одним из самых мощных противников — домом Китабатакэ, — присоединил к своим владениям богатую провинцию у Тихого океана Исэ.

А в 1568 году Ода Нобунага осадил столицу и, разбив правительственные войска, взял Киото и низложил сёгуна.

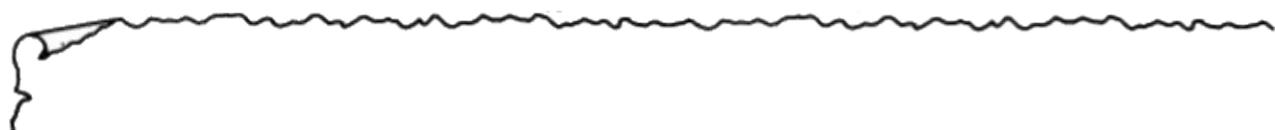
Казалось бы, какое нам дело до его военных демаршей? Но дело в том, что Ода Нобунага с самого начала своей «творческой» деятельности ненавидел Путь — Путь веры воина. Веры для него не было, а его собственный путь превращался в кровавую просеку.

Особую ненависть Ода Нобунага испытывал к монастырю самураев Исияма Гобо. В 1570 году (первый год Гэнки) Ода предъявил ультиматум главному настоятелю монастыря — Кэн-нё. Он требовал безоговорочной капитуляции, полного подчинения Исияма Гобо новому правителю, а также передачи ему огромных ценностей монастырского города. Думаю, нетрудно догадаться, что Кэн-нё ответил ему категорическим отказом.

Их борьба, борьба монастыря самураев и нового диктатора, продлилась одиннадцать долгих лет. Много раз воины из монастыря не только отбивали ожесточенные атаки, но и сами переходили в наступление: ведь это были не просто монахи, а профессиональные воины, да и

сам Кэн-нё оказался талантливым военачальником. Он великолепно ориентировался в быстро меняющейся военной обстановке, делал правильные стратегические и тактические расчеты. Более того, осажденные монахи-самураи наносили серьезный урон войскам Ода. Все операции возглавлял военный совет при настоятеле монастыря.

Так что все многократные попытки Ода взять крепость каждый раз заканчивались громким провалом. Так продолжалось до тех пор, пока он не решился на последний штурм. Ода пришел к выводу, что расположенный на вершине монастырь можно взять, опоясав войсками все склоны и укрепления. Многомесячная осада полностью изолировала Исияма Гобо от окружающего мира. Медленно поднимаясь вверх и сжимая кольцо осады, воины забросали крепость зажигательными смесями. Монастырь был сожжен. В огне погибли и все его обитатели. Три дня и три ночи пылал Исияма Гобо. После пожара на огромном пространстве, согласно документам, остались лишь горы пепла. Перестал существовать один из богатейших центров самурайской культуры, богатейшее хранилище древних рукописей, книг и многих уникальных ценностей. Остались только легенды о мужественных монахах-самураях и понимание того, что Путь веры — это все равно Путь воина.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«...предания о Пути Самурая помогают постигать буддизм».

«Самураи былых дней больше всего боялись умереть в кровати. Они надеялись встретить свою смерть на поле битвы. Священник тоже ничего не достигнет на Пути, если в этом он не будет подражать воину».

Столкновение с современностью

Помните фильм «Достучаться до небес»? В нем есть знаменитый диалог про море. «Ты когда-нибудь видел море?» — спросил главный герой у своего друга. Обреченные на смерть, больные раком, главные герои кинофильма, никогда не видевшие моря, решают, что в оставшееся им для жизни время они непременно должны его увидеть. А из нашей компании никто никогда не видел океана. И вот когда мы приехали к побережью Тихого океана, мы поняли: это встреча с Небывалым. Добирались мы на автобусе, а потому водную гладь океана разглядели не сразу. Мы лишь почувствовали запах, запах, который трудно описать словами: он упорно пробивался сквозь аромат растений, зарослями стелющихся у побережья. Этот пьянящий коктейль ароматов до сих пор манит меня вернуться туда, в Хамамацу, и ощутить его вновь. Скинув обувь, мы босиком двинулись через дюны в сторону океана. А в дюнах мы были поражены, увидев пару слепленных из песка фигурок, одна из которых должна была изображать борца сумо, а вторая — какого-то восточного мудреца.

Всему помешал (вернее, почти помешал) японский полицейский, подбежавший к нам со всех ног и принявшийся что-то оживленно выкрикивать. Оказалось, надвигается цунами и ходить по побережью очень опасно. Что ж, так даже интереснее! Подойдя к берегу, мы ахнули от восторга — волны и в самом деле были невероятно огромные, таких никто из нас никогда не видел. Японцы играли с приливом и отливом у берега, кучка забавных индусов в своих традиционных одеждах тоже пытались зайти по колено в воду, но тут же отскакивали назад. Мы же, скинув одежду, бросились в волны.

Как же это было здорово! Волна высоко подбрасывает тебя, потом ты, словно зависнув в воздухе, балансируешь на ней вверх-вниз, причем вода держит тебя так, что даже не надо грести руками, и настойчиво утягивает тебя в сторону океана. Вдоволь наплававшись в прохладной воде, мы, словно заново родившись, выбрались на берег. На берегу нас спас от холода ставший традиционным во время последующих поездок на океан горячий кофе с сахаром, который продается здесь в автоматах в банках. Мы сели на берегу и стали наблюдать за закатом. Вот она, настоящая Страна восходящего солнца! Впрочем, заходящее за океан солнце не менее прекрасно.

«Остров Чипингу — на востоке, в открытом море; до него от материка тысяча пятьсот миль. Остров очень велик; жители белы, красивы и учтивы; они идолопоклонники, независимые, никому не подчиняются... Богатый остров, и не перечесть его богатства», — писал в 1298 году в «Путешествиях» Марко Поло.

И тут, на океане, грани реальности и грани зеркального ее отражения как бы стираются. Волны океана приносят настоящую Японию...

Рай самураев

Последний из шести длинных клинков рассек кору дерева. Митома презрительно хмыкнул. Гейша тоскливо отвернулась от окна. Дарить наслаждение юному Митоме было совсем иным, нежели его отцу, нежному и обходительному любовнику. С Митомой гейша не чувствовала ничего, кроме ужаса.

Зайдя в покои, Митома даже не глянул в сторону гейши. Он любовался игрой мускулов на своей правой руке.

Слуги судачили друг с другом — обычное дело, когда им казалось, что за ними никто не наблюдает.

— Молодой господин безумен, совершенно безумен.

— А старый господин слишком уступчив. Он должен отослать сына на войну или ко двору сёгуна, пусть Митома приносит пользу. А господин лишь оплачивает кровавые забавы Митомы.

— Ему же нужен наследник. Никогда не пошлет он юного господина на войну.

— А я думаю, юный господин не отказался бы от участия в битвах. Он ненавидит родной дом.

— А ведь его любят здесь. Нет, он точно безумен, совершенно безумен.

— А вы видели, как он уродлив, когда смеется?

— А его голос режет слух, вот до чего неприятен. У меня каждый раз ледяная дрожь пробегает по спине, когда он отдает мне какие-либо приказы...

— ...Нет ли возможности использовать в политических целях участие моего сына в том состязании? — спросил старик.

Советник задумался на мгновение.

— Все можно использовать в политических целях, мой господин, действительно все. Времена сейчас непростые, голод и насилие стали истинными правителями страны. Это только простой народ думает, что у нас все хорошо. Вот пусть и посмотрят на знатного отпрыска с мечами в руках.

— Но они будут ненавидеть его. Им никогда не восхищаются. Он некрасив, тело его сложено непропорционально, а голос Митомы неприятно режет уши. Они будут ненавидеть

его. А если он победит? Если повергнет героя из народа? А если победят и убьют его? Если он не выдержит? Он же нужен мне, без него все мои труды были бы напрасны, без него все, что принадлежит нашей семье, станет пылью времени!

— И что же вы хотите, мой господин? Вы многие годы не позволяете ему участвовать в подобных состязаниях. Бойтесь потерять его.

Старик укрыв лицо в руках, ибо все золотые слова мудрости не могли уберечь его от забот.

Пальцы Митомы сошлись на нежной шее гейши, отец заплатил ей, она не будет сопротивляться, но он все равно ждал протеста, хоть какого-нибудь жалкого, слабого протеста. Ее лицо становилось все краснее и краснее, но она теперь казалась ему куда прекрасней обычного. Гейша тронула струны его души.

Митома даже влюбился в нее, так красиво она умирала. Митома застонал, как от страсти. Однако он не знал, что делать с влюбленностью в смерть, и отпустил ее. Гейша закашлялась — значит, будет жить — и зарыдала.

Митома подхватил ее на руки и принялся покачивать из стороны в сторону. Гейша жалась к нему, а он поглаживал ее длинные волосы и тоже плакал, вздохнул, словно маленький ребенок, потому что теперь понял. Никогда ему не получить сразу выживание и любовь, надежду и смерть, свободу и освобождение. А жизнь — это проклятие с тысячей переломанных пальцев.

Экскурс. Взаимопроникновение веры

У Г. Востокова мы можем встретить замечание о том, что между двумя крайними точками жизни — рождением и смертью — самурай «легко может стать на время христианином» [\[16\]](#).

Так ли это? И могли столкнуться два пути и две веры?

В «Записках» капитана В. М. Головнина, пробывшего в плену у японцев с 1811 по 1813 год, мы читаем: «Япония стала известна европейцам в первой половине XVI века; первые открыли сие государство португальцы; тогда дух завоевания новооткрываемых земель господствовал над сильнейшими морскими державами того времени в высочайшей степени. Португальцы приняли намерение покорить Японию...»

Ну, насчет завоевания и покорения я все же сомневаюсь. Дело в том, что в Японию португальцы прибыли совершенно случайно — китайская джонка с португальцами на борту была отнесена к японским берегам бурей. В 1562 году даймё Кагосимы писал: «Я искренне и сильно удивляюсь, когда вижу здесь португальцев и их корабли, так как Португалия столь далека... что чудо, если корабль проплыл столько лиг и разглядел эти маленькие острова моей земли».

А в «Теппо-ки», в переводе с японского называемой «Хроникой ружья», составленной в 1606 году монахом секты дзен из Сацумы по имени Нампо Бунси, сохранились не только дата, но и место высадки португальцев — 23 сентября 1543 года, пляж Нисимура Коура, а также численность экипажа и имя китайского переводчика. Сохранились и впечатления о необыкновенных пришельцах: «Эти мужчины, дикари с Юго-Востока — торговцы. Они понимают разницу между людьми высшими и низшими, но неизвестно, существует ли меж ними собственно система этикета. Они пьют из кружки, не предлагая другим; едят пальцами, а не палочками, как мы. Выказывают свои чувства без малейшего стеснения. Они не понимают значения написанных иероглифов. Это люди, проводящие жизнь, перемещаясь туда-сюда, не имея определенного жилья. Они обменивают вещи, которые есть у них, на те, которых у них нет, но по сути своей — это люди, которые не причиняют зла» [\[17\]](#).

Среди вещей, которые обменивали португальцы, была и вера. Капитан В. М. Головнин писал, что «миссионеры их, прибывшие в Японию, сначала умели понравиться японцам и, получив свободный доступ во внутренность сей земли, имели невероятный успех в обращении новых своих учеников в христианскую веру». Так было и в самом деле. Христианство распространилось даже среди даймё Кюсю — владельцев Бунго, Аримой и Омурой. В 1582 году три новообращенных даймё, воодушевленных падре Валиньяно, решили даже отправить посольство к королю Португалии и папе римскому. Послами были молодые самурай-родственники князей, юные буси 14–15 лет. История сохранила их имена — Мансио Ито и Мигел Шижва Сейемори. В такую далекую Португалию их будут сопровождать католический падре Диогу де Мешкита и брат Хорхе Лойола.

Валиньяно оставит подробный рассказ о путешествии юных японских буси в Европу. Послы отправились из Нагасаки 20 февраля 1582 года, еще не зная о смерти короля Португалии и о том, что отныне повелитель Испании, Филипп II, будет также занимать и португальский престол. Дорога окажется очень долгой: самурай-послы придут в Лиссабон только 10 августа 1584 года.

Встретят японских самураев тепло. Их даже попросят надеть национальную одежду, и кимоно приведут португальцев в полнейший восторг. А юные буси будут в не меньшем восторге от монастыря Жеронимуш. Дворцы португальских властителей тоже станут для молодых самураев культурным потрясением: один из них подробнейшим образом перечислит все ковры и всю драгоценную посуду, не забыв упомянуть даже большую серебряную ванну для омовения ног.

Из Португалии путь самураев лежал в Рим. Там престарелый папа Григорий XIII будет настолько тронут честью, которую окажут ему японские христиане, что обнимет молодых людей со слезами на глазах. Спустя две недели после его кончины, 15 апреля 1585 года, юные самурай будут присутствовать уже при другом событии — торжественном возведении на престол вновь избранного Папы Римского Сикста V.

Вернутся молодые послы в Японию только 21 июля 1590 года. Верховный правитель Тоетоми Хидэеси устроит в честь их возвращения особенно торжественную встречу. А те без конца будут рассказывать о далекой Португалии. Казалось, две веры пересеклись в своем пути.

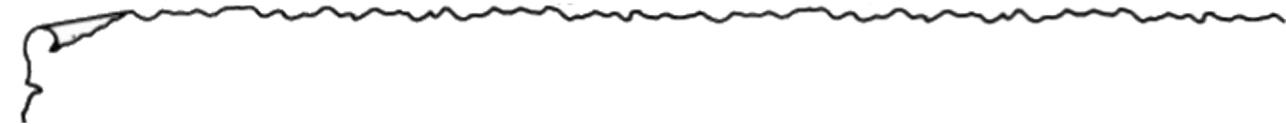
Но нет. В Японии к власти пришел Токугава Иэясу. А он проповедовал закрытость, не любя внешние влияния. В 1611–1614 годах этот сёгун издал ряд указов о запрещении христианской религии, и из Японии были изгнаны иезуиты и монахи других католических орденов. В последующие годы усилились преследования и даже казни христиан в среде самураев. В 1624 году был запрещен въезд и проживание в Японии испанцев, а в 1639 году из нее были изгнаны португальцы. В 1633–1636 годах появились указы, налагавшие запрет на выезд японцев из страны, и одновременно с этим тем, кто уже жил за ее пределами, под страхом смертной казни запретили возвращаться в Японию. В 1636 же году всех иностранцев переселили на остров Дэсима (в районе Нагасаки), а в 1639 году исповедание христианства было окончательно запрещено. Португальским кораблям, поскольку они доставляли христианских миссионеров, запрещалось даже приближаться к японским берегам. Вот такая странная самоизоляция. Была, впрочем, одна крайне серьезная причина, отчего Путь веры самурая не стал Путем веры христианина, и о ней подробно рассказал в своих записках простой капитан-пленник В. М. Головнин:

«...царствовавший в Японии к исходу XVI века светский император Тейго, человек умный, проницательный и храбрый, скоро приметил, что иезуиты более заботились о собирании японского золота, нежели о спасении душ своей паствы, почему и решился истребить

христианскую веру и выгнать миссионеров из своих владений.

Главной или, лучше сказать, единственной причиной гонения на христиан японцы полагают нахальные поступки как иезуитов, так и францисканцев, присланных после испанцами, а равным образом и жадность португальских купцов; те и другие для достижения своей цели и для обогащения своего делали всякие неистовства; следовательно, и менее прозорливый государь, нежели каков был Тейго, легко мог приметить, что пастырями сими управляло одно корыстолюбие, а вера служила им только орудием, посредством коего надеялись они успеть в своих намерениях».

Более всего в Пути веры самураи презирали именно корыстолюбие...

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Существуют две вещи, которые могут ввести... в заблуждение: это богатство и слава».

«...у людей с материальными интересами в сердце нет чувства долга. А те, у кого нет чувства долга, не дорожат своей честью».

«Расчетливые люди достойны презрения. Это объясняется тем, что расчеты всегда основываются на рассуждениях об удачах и неудачах, а эти рассуждения не имеют конца».

«Деньги найти легко. Хорошего человека найти трудно».

Путь воина

Думаю, каждый из вас хотя бы однажды в жизни видел репродукции, а может, и фотографии конца XIX — начала XX века с изображениями самураев и обратил внимание на причудливые одеяния буси. Военные костюмы самураев, называемые ёрои или оёрои, выглядели и в самом деле крайне экзотическим образом.

Чего только стоил, например, их шлем! Склепанные между собой узкие металлические пластины, поверхность которых покрывалась тонким слоем керамики и лаком, — вот какие шлемы защищали головы самураев в эпоху Средневековья. И чего только не прикрепляли на них — даже фамильные гербы буси или металлические зеркала! Поверьте, это делалось не для красоты. У самураев считалось, что зеркало наделено магической силой против всего злого. Данное поверье пришло в Японию из Китая: там бронзовые зеркала «отпугивали» нечистую силу от живых и мертвых.

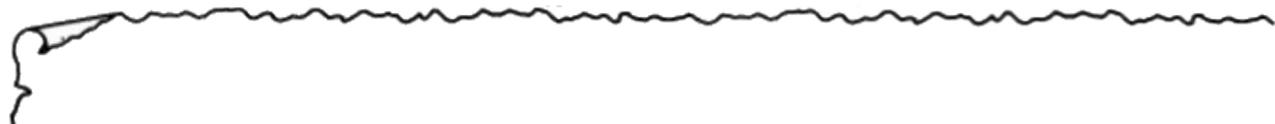
Даже процесс надевания шлема самураем превращался в ритуал. Перед тем как надеть его, буси обвязывали голову специальной повязкой — хатимаки. Повязывалась хатимаки с определенным духовным подтекстом: буси готовился к борьбе, к действию и, вполне может быть, к подвигу. Он готов был перейти от сиюминутного, обыденного к чему-то мистическому, священному и обретал вдохновение битвы.

Вместе со шлемом неотъемлемым атрибутом военного костюма самурая становилась металлическая полумаска, называемая хаппури. Она закрывала щеки и подбородок буси. Маскам придавали черты человеческих лиц, но черты утрированные — у них обязательно должно было быть отталкивающее, пугающее выражение. Неприятель обязан испытать ужас при виде буси!

И вот представьте: самурая ждет поход. Он достает военное снаряжение из специального

деревянного сундука для доспехов, называемого ёрой карабицу, и начинает облачаться. Сначала ему следовало надеть нижнее платье и шапочку, затем перчатки из кожи и напульсники, потом верхнее платье, после чего икры ног обвязывались обмотками и на них надевались наголенники. Затем следовали меховая обувь и панцирь, а под конец закреплялись наплечники. Знатные самураи иногда надевали поверх лат цветное кимоно. Шлем же надевался прямо перед битвой. Впрочем, среди самураев особым шиком считалось во время боя снимать шлем и использовать его вместо щита, укрывая лицо от стрел. (Щитами, татэ, в японской армии пользовались только пехотинцы. Татэ были огромными, деревянными, их ставили на землю и укрывались от стрел врага.)

Думаете, все? Военный костюм самурая полон? А как же веер? Да-да, именно веер был непременным атрибутом костюма буси. Его самураи носили за поясом. Причем такой веер («оги») был нужен не для обмахивания в жаркую погоду, а для сигнализации и управления войсками. Часто оги изготавливали из железа, и состоял он из массивных стальных пластин. Назывался он тогда «гумбай-утива» и считался знаком феодала. Им знатные самураи вполне могли воспользоваться при нападении с мечом или копьем для самообороны. И ведь пользовались! Сохранилось огромное количество упоминаний подобных историй в японских хрониках. Согласно легенде, подобное искусство самозащиты было разработано знаменитым японским воином XII столетия Минамото-но Есицуне (1159–1189). Металлический боевой веер в руках опытного буси представляет собой серьезное оружие с довольно широким спектром возможностей: складываясь и раздвигаясь, он превращается то в дубинку, то в острейшую бритву.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«...воинские доспехи и снаряжение белого цвета следует считать непригодными и лишающими силы. Сквозь них просвечивает сердце их обладателя».

«Шлем обычно считается очень тяжелым, однако во время взятия крепости или другого сооружения, когда в любой миг на голову могут обрушиться стрелы, пули, камни и бревна, он совсем не покажется таким».

«Соломенную шляпу и шлем следует носить, наклонив их вперед».

«Нужно обратить внимание только на то, как выглядит шлем. Ведь шлем сопровождает голову воина в стан противника».

Ну что? Теперь-то готов самурай к бою? И да и нет. Готов, если ему открыта мудрость дзадзен.

Рай самураев

— Янутомо Цуемоти. Цу-е-моти. Писарь записал со знанием дела.

— Оружие?

Бабочка склонил на плечо темноволосую голову:

— Мне все перечислить?

— Только то, с которым вы вступите в борьбу, почтеннейший.

— Гм... Тогда меч.

— Хорошо, дорогой господин...

...Устав после долгого пути, братья Акира и Токото, дети героя Текемады, заночевали в катакомбах. На рассвете сомнения охватили их сердца.

— Глупо было заявлять себя вдвоем на участие в состязаниях, — промолвил Токото. — Надо было лучше продумать все.

— Мы просто столкнулись с неожиданностью. Кто ж знал, что они возьмут нас двоих? Впрочем, наша надежда на победу так лишь удваивается.

— И все же, — продолжал терзаться сомнениями Токото, — наш первоначальный план был иным, или же ты ничего не помнишь? Одному из нас следовало заботиться о другом. И что произойдет теперь, если нам придется бороться друг против друга?

— Это вряд ли!

— Нет ничего невозможного.

— Но уж больно это невероятно.

— Но что тогда мы будем делать?

— Тогда будем бороться. Все просто.

— Ты совсем обезумел, Акира? Я никогда не смогу поднять меч на тебя. А ты? Ты смог бы?

— Токото, у нас нет выбора. Это же состязание на жизнь и смерть. А ты как думал, что мы отправляемся на ярмарку, на представление актеров?

— Не знаю. Не нравится мне все это. Как представляю, что кто-то из воинов окажется сильнее тебя, а я должен буду просто смотреть, как он тебя заколет. Нет, такого я никогда бы не смог допустить.

— Прекрати. Надо постараться победить.

— А если мы оба умрем? Что тогда?

— Никто из нас не умрет. Мы — дети героя Текемады, и у нас в руках легендарный меч...

Столь же рано проснулся и Вэй Гуань Дзюу, молодой монах из монастыря Шань-Тен-Лай. После пробуждения почти в полной темноте он прочел двадцать шесть молитв Учителя Фань-Ли, сосредоточившись на цели своего путешествия — Долине Колоколов. Затем схватил свой посох и двинулся на свет дня из темноты своего ночлега.

Монах медленно приближался к арене. Круглая, посыпанная песком, она напомнила ему гигантскую мандалу. Вступил воин в круг жизни, вышел смертным из него...

— Красиво, не правда ли? — раздался за спиной у монаха незнакомый голос. Вэй Гуань обернулся. Рядом стоял высокий могучий воин в белом кимоно и темно-красных штанах. Тело воина было обвязано странной ржавой цепью, а за поясом его висел черный веер. — Я все время возвращаюсь сюда. Говорят, что я здесь и родился.

Воин улыбнулся и, поклонившись, двинулся прочь. Гуань Дзюу остановил одного из слуг и спросил то о странном незнакомце. Почтительным шепотом слуга ответил, что это человек, который всегда побеждает. Сацудзо.

В полдень появился Митома. Странное все же было лицо у юного самурая знатного рода — с острым подбородком и близко посаженными глазами. Кимоно его было великолепно. Вальяжно прошел он по двору, остановился перед Сацудзо и громко сказал ему:

— Завтра вечером ты будешь уже мертв! Затем он двинулся к Бабочке и выкрикнул:

— Надеюсь, твоя черная кровь не очень смердит мочой, ибо завтра я пролью ее очень много!

— Что прольешь-то, мочу? — задумчиво промолвил Бабочка. — Так, может, тебе лучше надеть свивальник, коли у тебя такие проблемы.

Но Митома уже не слышал его, он двинулся к молодому монаху и презрительно усмехнулся: — Здесь, что, собрали лишь зверье? И нет ни одного благородного человека, которого действительно стоит убить?

Все сделали вид, что не слышат Митому. Завтра, уже завтра будет решен их спор...

Сацудзо подошел к Бабочке и улыбнулся почти приветливо:

— Твое первое состязание, молодой воин?

— О, да, мой господин.

— Но ты тем не менее многое смыслишь в борьбе на жизнь и смерть, или же я ошибаюсь?

«О, нет, ты не ошибаешься, человек, — подумал Бабочка. — Я убил людей в десять раз поболее тебя».

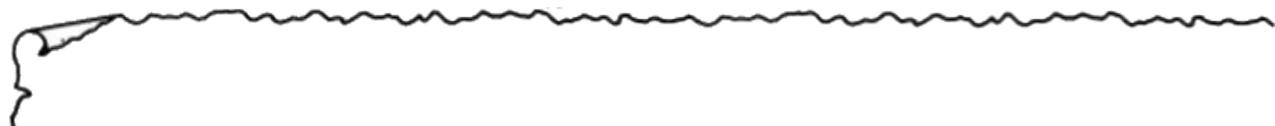
— Кое-что смыслю... — ответил он вслух.

Путь воина и дзадзен

В сущности, весь комплекс того, что воспитывался в каждом самурае, был подчинен овладению военным мастерством, умению бороться с противником и побеждать его. Основным в жизни буси становилась война, и он готовил себя к ней. Готовил с малолетства, физически и духовно познавая «до».

Потому что познание «до» было важно и для мечников, и при стрельбе из лука, и т. д. Без «до» были невозможны и воинские искусства самурая.

Преобладающее значение имела внутренняя подготовка воина. А для этого необходима медитация, дзадзен. Дзадзен помогал самураю достичь гармонии с «отрицательным ничто» и развивал у буси состояние «повышенной готовности», не имевшее ничего общего с «малодушной сонливостью».

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«... один воин говорит:

— Когда я встречаюсь с врагом, мне кажется, будто я вхожу во тьму. Поэтому я часто получаю тяжелые ранения... Почему это так?

Другой отвечает ему:

— Когда я встречаюсь с врагом, это действительно напоминает пребывание во тьме. Но если при этом мой дух пребывает в покое, он подобен ночи, озаренной бледным лунным светом. Если я начинаю поединок в таком состоянии, я знаю, что не могу быть ранен.

Вот что чувствует воин в мгновение истины».

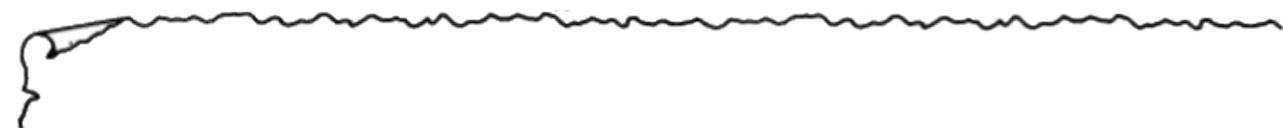
Дзадзен обучал самураев разным методам дыхания. Новички начинали с того, что считали вдохи и выдохи. Более опытным буси предлагалось три процедуры: тоже считать вдохи и выдохи, затем десять раз считать только выдохи, а вдохи пропускать, и после этого десять раз считать только вдохи. Перед тренировочным боем самураи обычно принимали позы, характерные для дзен-буддийских монахов, и старались дышать глубоко и равномерно. Это заранее подготавливало их к физическим нагрузкам — схватке с противником.

«Хочешь выиграть бой у врага? Научись слышать мир», — советовал дзадзен самураям.

Сохранилась легенда о том, как некто Кеннин Мокураи обучал двенадцатилетнего Тоё, во всем стремившегося уподобиться старшим. «Подожди немного, — говорил ему Мокураи, — тебе еще следует подрасти». Но Тоё был настойчив, и учитель согласился. «Вот ты слышишь, как я хлопаю двумя ладонями, — сказал Мокураи. — А как будет звучать хлопок ладонью одной руки?» Тоё сидел в своей комнате и обдумывал ответ. За окном пели гейши. «Вот то, что мне нужно», — подумал Тоё. На следующий день, вечером, он пропел учителю песню гейши. «Нет, нет, — отмахнулся Мокураи. — Это совсем не то. Ты не уловил пока этого звука».

Тоё удалился в тихий уголок храма и сосредоточился. И услышал шум журчащей воды. «Вот этот звук!» — обрадовался мальчик. Вечером он продемонстрировал этот звук учителю. «Это же шум воды, а не хлопок ладонью одной руки, — рассмеялся Кеннин Мокураи. — Старайся, думай дальше». На следующий день Тоё услышал шум ветра, но и эта его идея была отвергнута. Затем он услышал крик совы, и это опять было не то. Так Тоё приходил к учителю десять раз, и тот все время отправлял его думать снова. Целый год Тоё было не разгадать загадку. Неужели ему так и не стать истинным, идеальным буси? А потом Тоё внезапно понял, что хлопок ладонью одной руки — это звучанье тишины.

Такое состояние озарения сродни вдохновению. Оно очень близко самураю, воину, собирающемуся предвосхитить движение противника, лучнику, готовящемуся поразить цель. И именно дзадзен внес огромный вклад в формирование бу-дзюцу, воинского искусства самураев.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Есть много людей, которые почитают себя полноправными воинами на том лишь основании, что занимаются боевыми искусствами и набирают себе учеников. На того, кто изо всех сил стремится прослыть человеком искусства, жалко смотреть».

«Беспринципно считать, что ты не можешь достичь всего, чего достигали великие мастера. Мастера — это люди, и ты — тоже человек. Если ты знаешь, что можешь стать таким же, как они, ты уже на пути к этому».

«Если вначале человек не совладал со своим телом и рассудком, он никогда не одолеет врага».

Самураи активно заимствовали достижения военной мысли Китая, китайские военные трактаты «Сунь-цзы», «У-цзы», «Сыма-фа» и т. д. Начиная с VIII века они служили настольными книгами японских военачальников.

Идея пути пронизывала при этом все! И стрельбу самураев из лука, и борьбу в доспехах (кумиути), и ритуальные танцы с мечами (кэмбу). Воинский путь становился Путем к высшей мудрости.

Натянутая стрела Пути.

Все всегда хочется начать с легенды...

...Юный буси по имени Сайто взял в руки лук уже в трехлетнем возрасте и к тринадцати годам добился немалых успехов. Он очень любил стрелять из лука, и особенно ему нравился легкий звон стрелы, попавшей в цель.

Однажды тренировки мальчика заметил некий незнакомец.

— Ты метко стреляешь, — похвалил он юного буси.

— Знаю, — нескромно ответил тот, чем неприятно удивил знакомого.

— А вон в то дерево попадешь? — И незнакомец показал на дерево, растущее в двадцати метрах ниже по склону.

Сайто попал — он и в самом деле был умелым стрелком, несмотря на юные годы. Незнакомец подошел к дереву и вытащил из него стрелу, а потом достал кусочек белой ткани и закрепил в отверстии, что осталось от стрелы. Затем он отвел мальчика на расстояние пятидесяти метров от дерева, нашел на крутом склоне большой плоский камень и покачал его ногой, а потом встал на него. Камень зашатался, но удержался на месте, не скатился вниз по крутому склону.

— Стрелять будешь с камня, — сказал незнакомец Сайто.

Тот испугался и отказался влезть на камень — ведь он мог сильно разбиться.

Тогда незнакомец взял у мальчика лук, залез на камень и выстрелил, почти не целясь. Стрела попала точно в цель.

— До сих пор ты стрелял из лука, чтобы научиться попадать в цель. Настала пора работать над тем, чтобы изменить себя... — сказал он.

Легенда эта выбрана мною неслучайно. Считается, что при стрельбе из лука должны быть слиты воедино тело, лук, стрела и цель. Правильное состояние духа имеет здесь огромное значение. А это уже искусство — искусство «до», или Пути. Это не просто стрельба — это и есть Путь, жизнь, образ мыслей. Для некоторых самураев это был путь к достижению просветления. Считалось, что усвоить ритуалы стрельбы, кюдо, означает научиться вести правильный образ жизни. Среди двадцати восьми видов военных искусств XVII столетия искусство стрельбы из лука занимало первое место, а понятия «война» и «лук и стрелы» (юмия) были в сознании самурая равнозначными. Даже с появлением огнестрельного оружия лук по-прежнему был важен — ведь он был и более скорострельным, и более надежным, чем заряжающиеся со ствола пищали.

Почему лук так важен? Чтобы дать ответ на этот вопрос, достаточно вспомнить хотя бы мифическую историю создания Японских островов. Больше всего на свете Японские острова напоминают выгнутый в сторону Тихого океана лук.

Традиционные японские луки — юми — делились на большие, до 2,5 метра (дайкю), и малые (ханкю), величиной в половину большого. Лук размером 2,5 метра принадлежал легендарному Тамэтомо — великану из клана Минамото. При росте свыше двух метров он возвышался над обычными японцами где-то на полметра. Левая рука у великана была длиннее правой, и это давало ему возможность сильнее других натягивать тетиву и дальше всех посылать свои стрелы. И это учитывая, что стрелы у японских луков вполне способны поразить цель на расстоянии до четырехсот метров!

Луки в Японии оружейники с давних времен изготавливали из лучшего бамбука. На тетиву шли волокна конопли, сухожилия животных или шелк. А на изготовление стрел искали «бамбук восьмой Луны» (то есть возрастом три года и три месяца). Кроме обычных стрел буси должен был владеть и совершенно особыми стрелами — хикимэ, то есть стрелами со свистящим наконечником, чтобы подавать сигналы, и именными стрелами для особо почетных противников. Перед началом битвы в воздух выпускалась хикимэ, свистящая стрела с насадкой из оленьего рога. Ею стреляли для оповещения противника о начале боя. Веретено такой стрелы делалось из ивы или бамбука, а оперение состояло из двух-четырёх перьев орла. Была в колчане самурая и родовая стрела с его собственным именем, которая никогда не употреблялась как

оружие. Именно по этой стреле узнавали убитого на поле боя буси. А еще считалось, что «игра» на натянутой тетиве лука полезна для младенцев императорской крови: она должна была воспитывать у детей храбрость и улаживать их слух.

Процедура тренировки самураев строилась таким образом, чтобы воспитать духовную сторону личности буси.

Чего только стоила сама процедура по изготовке стрелы к стрельбе и пуску! Ее назначение было «слить воедино тело, лук, стрелу и цель». Но каким способом добиться этого?

Самурай знал, что ему следует:

«Взять лук со стрелой в левую руку.

Повернуться лицом к цели.

Сосредоточиться на цели полностью, отрешиться от всего внешнего и отбросить все, ставшие внезапно ненужными, мысли.

Выдвинуть левую ногу по направлению к цели и прочно поставить ее на землю.

Опустить правую руку и глубоко вздохнуть. На выдохе мысленно послать жизненную силу в желудок, низ живота и пальцы ног.

Зафиксировать взгляд на том месте тетивы, где она соприкасается со стрелой, медленно провести взглядом вверх-вниз по изгибу лука.

Поднять правую руку, взяться за конец стрелы и слегка коснуться луком колена правой ноги.

Как только обе руки начнут действовать (левая рука держит лук, а правая прижимает стрелу к тетиве), необходимо мысленно соприкоснуться с целью. Выдохнуть.

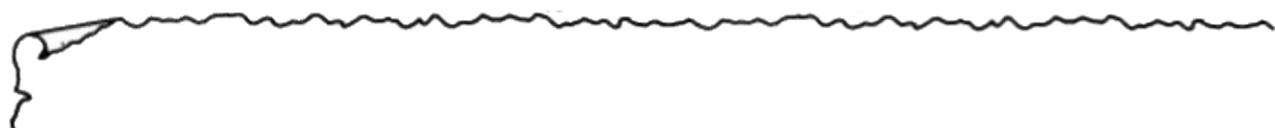
С начала вдоха начинать поднятие лука, ставя руки на нужную высоту. Слегка податься вперед.

На полном вдохе задержать дыхание. С медленным выдохом натягивать тетиву лука.

Выполнив натяжение... спроецировать себя на цель.

Вообразить, что не стрела, а вы сами устремляетесь на нее.

С последней порцией выдыхаемого воздуха спустить стрелу и мысленно продолжить свой полет с ней к цели» [\[18\]](#).

«Кодексе Бусидо» сказано:

«В соответствии с наставлениями о стрельбе из лука, руки должны находиться на одном уровне, но на практике правая рука зачастую оказывается выше левой. Они будут на одной высоте, если во время стрельбы немного опустить правую руку».

Мастерство в стрельбе приобреталось в результате долгих отработок множества приемов. Выдержка и сила стрелков проверялись во время религиозных праздников и состязаний отдельных воинов. История сохранила кое-какую «стрелковую» статистику: так, в 1686 году Дайхати Вада выпустил в течение суток 8133 стрелы, а Масатоки 19 мая 1852 года стрелял 10 050 стрелами, причем 5383 из них достигли цели. Благодаря всему этому буси выковывал в себе качества Истинного, Идеального Самурая Пути Служения.

И вот настал день долгожданного состязания. Обещал он быть жарким, без единого облака на небе и пыльным. Ровно в восемь утра ворота Осаки были открыты для зрителей, и в них устремилась пестрая толпа.

Среди зрителей было много детей. Состязания сёгуна пользовались доброй славой. Самураи у входа внимательно осматривали толпу, дабы не пронес кто втайне оружия. Тут не жаловали чинящих беспокойство, поджигателей, воров и убийц...

...Гусеница устроился за три ряда от Куколки. Ему казалось опасным сидеть рядом с ним — ведь среди зрителей было много прославленных самураев. Им оставалось лишь ждать: Бабочка или победит, или проиграет, а может, и то и другое вместе.

Хэйко сидела в самом низу, крепко вжатая толпой в деревянную балюстраду вокруг арены. Конечно же, все ее надежды составлял Вэй Гуань Джоу, удивительный молодой монах. Хэйко надеялась, что Гуань Джоу победит не в одной битве, а то и поборется с самым известным воином — Сацудзо. И надеялась она на это даже не из-за награды, что мог бы получить монах. За те дни, что добирались они вместе до Осаки, он глубоко затронул ее сердце своими представлениями о чести и верности. Возможно, сегодня Хэйко и найдет себе среди зрителей миловидного, мускулистого глупца в приятели на ночь развлечений, но больше всего девушка мечтала о том, чтобы и далее путешествовать с Гуань Джоу.

Чем больше думала она об этом, тем яснее становилось Хэйко, что надеется она всем сердцем только на то, что Гуань Джоу уцелеет в схватках, и неважно, кем будет он — победителем или израненным, поверженным буси. Если он умрет, в том будет лишь ее вина. Он ведь отдался в ее руки, столь невинно и доверчиво. Отчего-то чем больше заполнялись ряды зрителей, тем быстрее таяла уверенность девушки в его победе.

Путь кэндо

Меч и Япония неразделимы.

Кэндо вошло в жизнь буси с глубокой древности. Ибо «в системе мироздания существуют различные Пути. Есть Путь Спасения посредством соблюдения Закона Будды, есть Путь Конфуция, правящий Путем любого обучения, Путь врачевания, есть... Путь кюдо, а также множество других искусств и умений», но «Путь воина есть обоюдное слияние Путей кисти и меча». Так говорил знаменитый бродячий самурай Миямото Мусаси (1584–1645). Написанную им под конец жизни «Книгу Пяти Колец», ставшую руководством по стратегии и тактике для каждого самурая, издают и читают до сих пор.

Согласно легендам, уже в возрасте тринадцати лет Миямото сразил на турнире одного из самых искусных бойцов кэндо того времени. Духовной основой своей системы Мусаси выбрал дзен-буддизм, много времени уделяя медитациям. В среде самураев поговаривали, что вся его жизнь была сплошной медитацией, нацеленной на отработку предельно точных движений самурайского меча и на воспитание в себе способности с быстротою молнии реагировать на любое движение противника. В связи с этим Мусаси писал: «Когда я стою с мечом в руках против своего противника, я забываю обо всем, даже о противнике. Все мое существо сливается с окружающим миром» [\[19\]](#).

Даже если ты ведешь схватку на мечах со своим противником, помни: ты — самурай, а кэндо — это ритуал воспитания воли и характера, это прежде всего путь самосовершенствования.

Миямото Мусаси учил самураев, что в бою состояние их духа не должно отличаться от повседневного, но при этом буси не должен позволять противнику проникать в свое состояние: «...не позволяй себе идти на поводу у собственного тела».

А еще Мусаси учил Пустоте. Он считал, что в Пустоте заключено великое достоинство и нет никакого зла. «Пустота — это ничто. Только познав то, что существует, ты сможешь узнать то, чего не существует. Это Пустота». Воины же, замечает Мусаси, которые обучаются военному делу, считают, что «все, чего они не понимают в своем ремесле, — пустота. Это не истинная пустота».

Лучшего учителя для буси, чем Мусаси, объясняющего, как держать меч, у самураев, вероятно, не было.

«Ухвати длинный меч с несколько „плавающим“ ощущением в большом и указательном пальцах, средний палец не должен быть ни напряжен, ни расслаблен, а оставшиеся два пальца — сжаты крепко...

Поднимая меч, имей намерение зарубить противника...

Хватка для боя и для испытаний клинка одна. Не существует такой позиции, как „хватка для удара по человеку“».

Самурай держал меч за рукоятку двумя руками. Основной позицией была изготовка к удару мечом, поднятым над головой. Удары наносились по голове противника, его плечам и бокам. Насчитывалось в кэндо до четырех тысяч правил. Все движения были регламентированы до мельчайших деталей.

Кэндо изобиловал различного рода дыхательными упражнениями, ритуальными действиями и приемами. Длительная и настойчивая тренировка приводила к специфическим сдвигам в личности самурая, формируя своеобразный психологический облик Не-Боящегося-Смерти.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

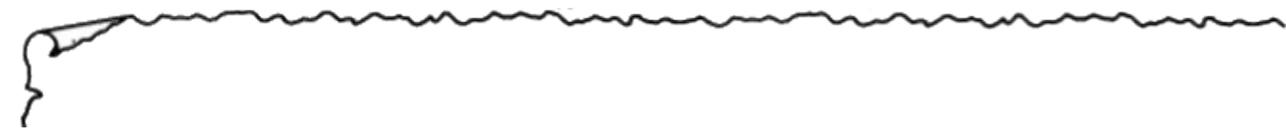
«Когда я был ребенком, я однажды неожиданно осознал, что воин — это человек, который не привязан к своей жизни. Поскольку я лелеял это осознание в своем сердце в течение многих лет, оно стало моим глубинным убеждением, и поэтому я никогда не думаю о смерти».

«Каждый день, когда тело и ум пребывают в покое, нужно представлять себе, как тебя пронзают стрелами, убивают выстрелом из ружья, протыкают копьем или разрубает мечом».

Глава третья

САМУРАЙ И СМЕРТЬ

Несущий смерть

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Бусидо — Путь воина — означает смерть. Когда для выбора имеются два пути, выбирай тот, который ведет к смерти. Не рассуждай! Нацель мысль на путь, который ты предпочел, и иди!»

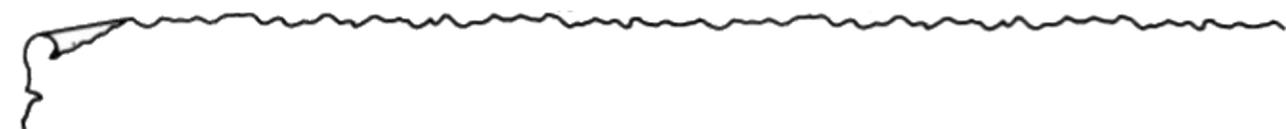
Он — дар свыше, дар с поэтичным названием «меч Небесных густых облаков», данный богиней Аматаэрасу первому земному правителю. Меч — дар, несущий смерть.

Он действительно является одной из трех священных регалий — вместе с бронзовым зеркалом Ята-но кагами и яшмовыми подвесками Ясакани-но Магатома. Меч под названием Кусанаги-но Цуруги.

Сказать, когда появились первые мечи, сейчас уже не так-то просто. Из мифов известно, что легендарный меч Кусанаги-но Цуруги был извлечен богом Сусаноо из хвоста поверженного им дракона. По другому преданию, некто Амакупи, живший в конце VII столетия, придумал разделить обоюдоострый меч на две части: так появилась знаменитая катана. В периоды Яёй (200 г. до н. э. — 300 г. н. э.) и Ямато все оружие воинов хранили в особых постройках и выдавали его буси только в случае нападения неприятеля или же перед военным походом.

В книге «Япония сегодня» сообщается, что самые древние мечи (специалисты называют их дзёкото) были обнаружены в захоронениях периода Кофун (300–710). Они, конечно же, сильно проржавели, но судить о том, как они выглядели раньше, все же можно: у них были короткие прямые лезвия с остро отточенным концом. Воины ими еще не рубили своих противников, а только кололи. Кстати, подобный меч периода Кофун, меч с кольцом, или канто-но тати, был у главного героя в анимэ «Принцесса Мононокэ». А вот характеристики одного из наиболее известных мечей той эпохи, который по сей день хранится в храме Хорюдзи в провинции Ямато: длина клинка — 60,7 см, ширина у основания — 2,2 см, хвостовик — 10 см.

Наиболее «популярны» мечи стали во второй половине периода Хэйан (782—1184). С мечами этого периода связаны многочисленные легенды, они веками терялись, а затем находились вновь самым что ни на есть чудесным образом. Ими убивали врагов, разбойников и даже демонов. Наиболее известный и лучший меч Японии, под названием Додзигири, означающий в переводе с японского языка «Разрубатель Додзи», был выкован кузнецом Ясуцунэ в начале IX века.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Однажды какой-то человек спросил: „Что есть смерть?“ И получил ответ коротко-сложенными стихами: „В жизни все фальшиво, есть только одна истина и эта

истина — смерть“».

«Смерть посещает всех: великих и малых. Смерть настигает вас, не считаясь с тем, подготовились вы к ней или нет. Но все люди подготовлены к факту смерти. Однако вы склонны думать, что переживете всех. Это вводит в заблуждение и вас, и других. Смерть подкрадывается к вам, прежде чем вы об этом узнаете. Встречая смерть, будьте уверены в том, что вы встречаете ее в полной готовности».

А надо сказать, что создать меч для настоящего буси могли только особые люди. Изготовлением «несущих смерть» занимались горные отшельники ямабуси, исповедовавшие аскетизм и религиозную отрешенность. Ковка меча превращалась ими в некое религиозное действие, в мистерию. Перед началом работы ямабуси должны были придерживаться воздержания в еде, питье и общении с женщинами. Приступить к работе можно было только после обряда очищения, облачившись в церемониальные одеяния — кугэ. Перед алтарем, всегда стоявшим на постоянном месте в кузне, ямабуси морально подготавливал себя к предстоящей работе, чтобы гарантировать то, что в будущем созданный им меч будет защищен от сил зла. После тщательнейшей уборки мастерская ямабуси обвешивалась специальными ритуальными украшениями, симэ, которые клеились из рисовой соломы. Пучки симэ в синтоистской религии символизировали собой чистоту и безопасность.

И вот начиналась сама работа ямабуси над изготовлением «несущего смерть». Ямабуси компоновали полотно меча из нескольких сортов стали, обладавших различными качествами. Отобранные куски тщательнейшим образом обрабатывались на наковальне, после чего слитки перерубали зубилом, складывали пополам и заново отковывали. Процесс этот был очень долгим. Не менее продолжительным становился и процесс закалки. Каждую часть меча следовало нагревать и остужать по-своему, поэтому заготовку покрывали слоем глины различной толщины. Когда же работа ямабуси завершалась, меч отдавали полировщику. У того в запасе были десятки точильных камней, куски кожи различной толщины и, наконец, подушечки собственных пальцев. Другой мастер тем временем уже готовил ножны из древесины хоноки — магнолии, ведь именно магнолия лучше всего предохраняла самурайский меч от ржавчины, хотя ржаветь оружие буси, в сущности, было некогда. Рукоять меча и ножны украшались хитроумными рисунками. Многие мастера ставили на ней свои клейма. Хотя истинные ямабуси обязаны были исповедовать великую скромность. Так, великий мастер, живший в период Камакура и ставший для японцев своего рода символом уникального мастерства, Окадзаки Горо Ньюдо Масамунэ вообще не считал нужным подписывать свои клинки, ибо знаток — идеальный буси — всегда распознает меч великого мастера. До нас дошли пятьдесят девять его клинков, и ни один из них действительно не был подписан.

В изготовлении меча самурая все, даже самые незначительные на первый взгляд мелочи, было важным. Ибо в зависимости от того, как был выкован клинок, он мог либо приносить благо и верно служить своему владельцу-самураю, либо не слушаться и даже ранить его. Чтобы отличить подделку от произведения истинного ямабуси, правительством сёгуна выдавались сертификаты с описанием клинка и его «легендой». В XII столетии у сёгуна таких сертификатов было всего сто листов в год. Вот и судите сами. Важно было и наличие на мечах магических формул. Они отгоняли все злое и призывали добрые силы. Первостепенную роль также играли изображения небесных светил, которые, как известно, способны оказывать влияние на земную жизнь земных героев.

Сами понимаете, что такой самурайский меч становился весьма дорогим приобретением для буси. Но, как бы ни был беден самурай, он все равно добывал клинок хорошей стали, считая, что лучше голодать, нежели не иметь «душу». Да-да, душу! Ибо меч становился истинной

«душой» самурая. Ради такой души буси мог пожертвовать всем: и собственной жизнью, и жизнью всей своей семьи. В своем «Завещании» от 1615 года сёгун Токугава Иэясу в статье 35 приказывал: «Каждый, кто имеет право носить длинный меч, должен помнить, что его меч должен рассматриваться как его душа, что он должен отделиться от него лишь тогда, когда он расстанется с жизнью. Если он забудет о своем мече, то он должен быть наказан». Вот и не расставался буси со своими мечами. Для них в домах воинов были отведены специальные ниши — токонома. Ночью же мечи клались в изголовье, чтобы в случае чего их было легко достать рукой.

В идеале «несущий смерть» должен был с легкостью разрубать три тела, лежащих друг на друге. Но ведь это еще следовало испытать! И желательно не на тесно связанном пучке мокрой рисовой соломы, а на «живом материале». «Несущий смерть» нес ее в обряде тамэси-гири, или цудзи-гири, что буквально переводится как «убийство на перекрестке дорог». Нередко нищие или крестьяне, поздно вечером возвращавшиеся домой с полей, становились жертвами тамэси-гири. Местные власти, пытаясь воспрепятствовать распространению данного обряда, выставляли на улицах посты и устраивали на перекрестках дорог даже целые караулки. Однако охрана не очень рисковала спорить с самураями этого своеобразного «ОТК» мечей. Лишь сёгуну Токугаве Иэясу удалось прекратить это кровопролитие. Теперь тамэси-гири практиковалось иначе. Самураи отдавали свой меч палачу для того, чтобы тот опробовал его на осужденном преступнике. По законам сёгуната тела казненных становились собственностью государства, за исключением останков татуированных, священнослужителей и неприкасаемых (парий) — на тех распространялось табу. Тело казненного привязывали к столбу, и проверяющий качество меча палач рубил его в обусловленных местах. Затем на хвостовике оружия вырезалась надпись, сколько тел было разрублено мечом. Однажды преступник перед казнью через тамэси-гири сказал даже палачу: «Если бы я только знал, что умру именно так, я бы наелся камней и напоследок испортил этот великолепный клинок!»

«Душа» воина несла смерть, даже ее язык чаще всего был речью гибели.

Действительно, «язык» меча позволял самураям объясняться без слов. Начнем с того, что в дом самурая с длинным мечом за поясом мог войти только даймё или высший рангом буси — оружие вошедшего в таком случае клали на подставку для меча рядом с гостем. Остальные гости оставляли мечи в прихожей: в противном случае они бы страшно оскорбили хозяина дома. А если сам хозяин держал меч на полу слева от себя, это расценивалось как знак его открытой враждебности к незваному гостю.

Во время беседы мечи клали так, что их рукояти были обращены на владельца, а клинок в ножнах — на собеседника. При официальной встрече положить меч рукоятью к собеседнику значило страшно оскорбить того: это выглядело бы так, будто хозяин меча сомневается в его способностях воина и выказывает полное пренебрежение к его «молниеносному удару». Еще большее оскорбление на языке «несущего смерть» несло прикосновение к мечу без разрешения хозяина. Похвалить же меч означало порадовать душу буси, доставить ему величайшее удовольствие. Обнаженный меч всегда символизировал враждебность и разрыв дружбы.

Если обстановка была напряженной, то прикосновение к обнаженному мечу, как правило, моментально провоцировало кровавый инцидент. Предположим, самурай внезапно видит, что его собеседник поглаживает рукоять своего меча. Следовательно, он сам просто обязан обнажить собственный клинок. Прямым вызовом на поединок служило бряцание гардой о ножны. Человека, который это делал, в любой момент могли расцедить на две половинки без всякого предупреждения.

«Несущий смерть», меч говорил сам за себя. Тем более когда в двери самурайского жилища стучалась смерть через харакири.

Я уже упоминал легендарного бродячего самурая Миамото Мусаси. Он и в самом деле был легендой, человеком, не проигравшим ни одного поединка, хотя его меч был... деревянным.

Одна из легенд рассказывает о его столкновении с самураем Сейдзиро, который убил многих своих противников, в том числе и отца Мусаси.

Мечь была основным побуждением, что толкнуло Мусаси на поединок. Но он вызнал все о характере кровавого самурая, узнал, что тот отличался бурным темпераментом и был чрезмерно гневлив.

На месте поединка уже собралась толпа, пришел и Сейдзиро, а вот Мусаси не было видно. Сейдзиро разгневался и почти орал на своих учеников. Те отодвинулись подальше: все хорошо знали, каков самурай в ярости.

И тут из толпы раздался насмешливый голос:

— Сейдзиро, ты где был? Я пришел еще перед рассветом, но не видел тебя.

Сейдзиро повернулся к своему противнику. Одежда Мусаси была грязной и мятой, а за поясом вместо боевого меча торчало деревянное оружие.

В глазах Сейдзиро загорелась злоба.

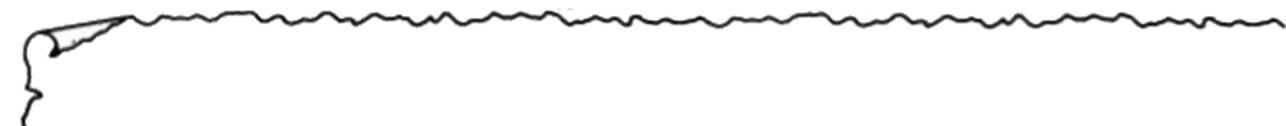
— Ты оскорбляешь меня своей одеждой и своим поведением!

— Вот и вызови меня на поединок, — улыбался Мусаси.

Взгляд Мусаси был совершенно спокоен. Он не замечал толпы — все его внимание было сосредоточено на Сейдзиро.

С громким криком известный буси выхватил меч. Сейдзиро позволил своему гневу выйти наружу. Злость вызвала напряжение в его теле, а напряжение замедлило движения. Мусаси схватил свой деревянный меч. Смерти он не боялся. Он сам может нести ее, так к чему бояться? Сейдзиро бросился на противника, Мусаси отвел его удар и с силой воткнул тупой конец своего деревянного меча снизу под подбородок противника. Сейдзиро упал и остался лежать на земле.

Мусаси трижды низко поклонился — лежащему на земле противнику и его слугам, — после чего удалился. Он побеждал, потому что никогда не боялся смерти.

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Воистину храбр тот, кто смерть встречает с улыбкой. Таких храбрецов мало, они редки... Человек, потерявший сердце в последнюю минуту, не храбрый человек».

«Каждое утро думай о том, как надо умирать. Каждый вечер освежай свой ум мыслями о смерти... Когда твоя мысль постоянно будет вращаться около смерти, твой жизненный путь будет прям и прост».

Рай самураев

Токота всем своим существом содрогался от ужаса.

Этот ужас тянулся страшными щупальцами к ногам, поглаживал его коленные чашечки, примешивался к его дыханию, скручивался в животе, утомляя и отяжеляя его, заставляя дрожать, несмотря на жару. Головы он более не чувствовал, в отличие от остального тела голова была пуста, сделалась легкой, невесомой. Ледяными пальцами, болевшими при движении,

словно суставы у дряхлого старца, он цеплялся за такую же ледяную рукоять меча. Акира, который мог бы сейчас дать ему совет, был так далеко, почти столь же далеко, как остальные его братья и сестры. Но не они оставили его в беде. Нет, это он бросил их, сам был повинен в своей судьбе, ничего не желая слушать из доводов разума.

И что же теперь?

Сацудзо, пожиратель людей, за которым тянулась просека мертвецов, в маске с острыми клыками двигался на него из деревянной преисподней, примыкавшей к арене, сопровождаемый криками десятков тысяч глоток.

Токота не был трусом, он был даже уверен в том, что он не трус. Но Сацудзо — он словно выпрыгнул в явь из самого жуткого его кошмара и пришел по душу Токоты.

Токота вздрогнул, когда разнеслись звуки труб, взлетевшие до самого солнца. Дрожь прошла по телу Токоты. Вот оно, вот, приближается.

Чудовище выпрыгнуло на арену. Руки Сацудзо казались невыносимой длины, и Токоте было не избежать их. Железные руки ухватили его, рванули, тряхнули и затем бросили в песок. Мир завертелся в сознании Токоты, который все пытался удержать легендарный меч, ценное и единственное их с братом наследство отца. А Сацудзо взревел над ним, словно дикий зверь. Токота все же собрался с силами, ударил монстра, и Сацудзо отшатнулся, как будто наткнулся на пламя.

Токота же вновь вскочил на ноги. Его тошнило и что-то нещадно болело в левом плече, но более юноша уже не чувствовал страха. Он потерял его на песке арены. А вот меч Токота не потерял. Меч отца. Меч героя.

И Токота ударил. Ударил по левой ноге Сацудзо, потом по правой, вновь по правой и вновь по левой. Это просто. Это просто, когда хочешь победить врага. Сацудзо ранен, смешные пятна крови появились на его ногах. Это просто.

А потом Токота увидел лицо Сацудзо, уже без маски, и его насмешливую ухмылку. Глаза Сацудзо были совершенно пусты, без какого-либо блеска жизни, словно серый камень были эти глаза. И страх вновь вернулся к Токоте — да он в действительности и не уходил никуда, он лишь упрятался под маской Сацудзо, этот страх, и теперь превратился в пульсирующую боль в плече и парализующую тошноту. Или Сацудзо стал быстрее, или, потеряв кровь из ран, сам сделался легче? А может, это он, Токота, внезапно состарился раньше времени? Как отец, пораженный непонятной болезнью? Может, это судьба всех героев, хозяев легендарного меча? И Токота сделал выпад.

Сацудзо ухмыльнулся, схватил юношу, рванул к себе, стиснул, поднял над головой и вновь бросил на землю. Тут же Токота вновь вскочил на ноги и, словно на стену, натолкнулся на Сацудзо. Меч, как насмешка, упал в песок, и Токота тоже рухнул, да так и остался лежать на арене.

Сацудзо навис над жертвой. Он пел и раскачивался из стороны в сторону. Зрители восторженно затаили дыхание. Раскачивание тела Сацудзо гипнотизировало их, как движение гигантского маятника. Серебряный взгляд Сацудзо блуждал по цветастой толпе тел и лиц.

— Убей же его, Сацудзо! — проникновенно приказал повелитель Осаки. — Он же ранил тебя! Ты должен доказать людям, что ты — победитель! Убей его!

— Не-е-е-ет! — раздался из-за деревянной решетки крик Акиры. — Не смейте! Все же и так кончено, он проиграл!

— Игра закончена лишь тогда, когда ее заканчивает победитель, — объяснил ему старый воин, стороживший выход на арену.

— Но он выбыл из игры... не нужно... я борюсь следующим... вам еще достанет крови!

— Перестань. Вы же знали, на что шли. Юноша, это состязание на жизнь и смерть! А ты

чего ожидал?

— Но он же еще жив... он выжил! Это... это... несправедливо!

Старый самурай засмеялся — хрипло, надсадно, словно кашлял.

— Справедливость? — наконец отдышался он от смеха. — И ты ищешь ее именно здесь, несчастный ронин?

Сацудзо тем временем склонился над распростертым на арене Токотой и только теперь выхватил из-за пояса черный металлический веер и полоснул им по горлу юноши, отделив его голову от плеч. Крики ужаса и восторга сотрясли гигантское тело толпы, забившись в уши Акиры безумием и болью.

— Уууубииийцыыы... Выыыы... Прокляяаяятыеее уууубииийцыыыы, — провыл Акира, почти лишаясь чувств, пока пара звонких пощечин не припечатала позорной печатью его щеки и он не вернулся в реальность.

— Соберись, несчастный ронин! — крикнул ему приблизившийся Митома. Акира даже не заметил, как сын знатного даймё подошел к нему. — Люди желают видеть, как брат отомстит за брата. Ступай на арену, бери свой меч и не забывай: хочешь отомстить Сацудзо — твой путь к сладостной мести проляжет по телам противников, что ожидают тебя здесь. Ты — сам господин своей судьбы, а потому не теряй времени на бессмысленную тоску!

У Акиры больше не было времени. Деревянные ворота задрожали, шесть или более рук вытолкнули его на арену, он упал и остался лежать на ярком островке горячего пепла сгоревших надежд, и толпа весело заулюлюкала.

Вспарывая свою душу...

В «Кодексе Бусидо» сказано:

«Когда ты потерпел фиаско в своих намерениях и расплачиваешься за свою неосмотрительность смертью — значит, твоя жизнь проведена бесцельно, но помни, что твоя смерть не роняет твоего достоинства. Смерть не бесчестит. Выполнение долга должно быть безукоризненным, а твое имя — незапятнанным».

Уж не знаю, читали ли вы книгу «Сёгун», но лично меня она в свое время поразила и навсегда приковала мое внимание к Японии. Но юношеское воображение было покорено именно сценой харакири, которое делает обещанный самурай. Мурашки по коже по сей день. Потому что правдоподобно.

Собственно говоря, самураи не выдумывали обряда харакири. История его началась значительно раньше, у племен, населявших Японские и Курильские острова. Помните тех самых айнов, с которыми самураи долго и ожесточенно воевали? Именно айны и внесли свой скромный вклад в сознание самураев. Еще М. М. Добротворский подробно описал обряд айнов, заключающийся в разрезании брюшной полости (пере) и напоминавший самурайское харакири. В каком-то смысле у айнов это было ритуальное жертвоприношение. Человеческое жертвоприношение совершали во имя верховных божеств земли и воды. О чем-то подобном сохранились упоминания в древних японских хрониках. Есть там сведения и о погребении людей живыми вокруг могил императоров, в фундаментах мостов, замков, искусственных

островов и т. д. Такие жертвы называли «хито басира».

Но чем же было для самурая все-таки именно харакири, столь часто упоминаемое в «Кодексе Бусидо»?

По сути, «Бусидо» являлось не чем иным, как кодексом смерти: каждый буси, а уж тем более идеальный, должен быть готов к трагическому финалу своей жизни. Зарождалось харакири как простой акт самоуничтожения на поле боя: ибо в руки врага попасть живым было еще страшнее.

В статье «Джайнизм и самурай» С. В. Пахомов вполне справедливо отмечает: «Да, жизнь прекрасна — но она прекрасна в своих мимолетных эскизах, набросках, а не как долговременная и благоустроенная мирная длительность. Тогда жизнь самурая показывает вечное убегание от самой себя в сторону смерти».

В дословном переводе харакири означает «резать живот». Однако слово «харакири» имеет и более символический смысл. В японском его синонимами являются и «живот», и «душа», и «тайные мысли».

Стоит напомнить, что на самурайское сознание в значительной степени повлиял дзен-буддизм. А согласно данному учению, огромное значение приобретает брюшная полость человеческого тела. Самурай все, как один, считали, что жизненные силы, расположенные в животе и занимающие как бы срединное положение по отношению ко всему телу, способствуют более гармоничному развитию человека.

Вот и возникли в японской речи устойчивые выражения, связанные с «хара», то есть животом. Например, человек, призывающий другого быть откровенным в разговоре, употребляет выражение «хара о вагтэ ханасимасё», что переводится как «давайте поговорим, разделяя хара», то есть открыв живот. А слово «харагинатай» означает и «грязный живот», и «подлый человек с низкими стремлениями». Тот, кто полон решимости, привел в спокойное состояние свое хара, называется хара-о кимэру. Тот, кто сердится, у того хара поднимается кверху — «хара-о татэру».

Важное место японцы отводят «искусству хара», или «харагэй». Под подобным искусством подразумевается процесс общения людей на расстоянии на интуитивном уровне.

Сами понимаете, что вскрытие живота, или хара, являлось для самурая открытием своих сокровенных и истинных намерений. Хотя сами они склонны были употреблять слова «сеппуку» или «каппуку», то есть вспарывание живота. Это было символикой духовного свойства, нежели простым самоубийством.

И к символическому этому деянию человека готовили с детства. С самых юных лет самурая учили не только жизни, но и смерти. Опытные наставники в специальных школах объясняли будущим буси, как надо начинать и доводить до конца сеппуку, сохраняя при этом достоинство до самого последнего момента жизни. Известен случай харакири семилетнего сына самурая, совершившего самоубийство перед наемными убийцами, подсланными к его отцу, но по ошибке убившими другого человека. При опознании трупа мальчик, желая спасти жизнь родителя, выхватил меч и молча распорол себе живот. Преступников это вполне устроило, и они сочли свое дело сделанным.

Можно привести и другую историю — о братьях Сакона, Наики и Хатимаро. Два старших брата (одному было 24 года, а второму — 17) решили в отместку за отца убить сёгуна Токугаву Иэясу. Но они были схвачены почти сразу, едва вошли в лагерь сёгуна. Старый Токугава был в восхищении от смелости юношей и разрешил им умереть почетной смертью. Приговор — харакири — был вынесен всем мужчинам их семейства, среди которых был и восьмилетний брат заговорщиков Хатимаро. Трех братьев сопроводили в монастырь, где должна была состояться казнь. До наших дней сохранился дневник врача, присутствовавшего при сеппуку и описавшего такую сцену:

«Когда приговоренные присели в ряд для отправления последней части экзекуции, Сакон повернулся к самому младшему брату и сказал: „Начинай первым — я хочу убедиться, что ты сделал все правильно“. Младший брат ответил, что он никогда не видел, как проводят сеппуку, и поэтому хотел бы понаблюдать, как это сделают они, старшие, чтобы потом повторить их действия.

Старшие братья улыбнулись сквозь слезы: „Отлично сказано, братишка! Ты можешь гордиться тем, что ты сын своего отца“ — и усадили его между собой. Сакон вонзил кинжал в левую часть живота и сказал: „Смотри! Теперь понимаешь? Только не вводи кинжал слишком глубоко, не то можешь опрокинуться назад. Наклоняйся вперед и твердо прижимай к полу колени“. Наики сделал то же самое и сказал малышу: „Держи глаза открытыми, иначе будешь похож на умирающую женщину. Если кинжал застрянет внутри или тебе не будет хватать силы, наберись смелости и постарайся удвоить свои усилия, чтобы провести его вправо“. Мальчик смотрел то на одного, то на другого, а когда они испустили дух, он хладнокровно вскрыл себе живот, чуть не перерезав себя пополам, и последовал примеру тех, кто лежал по обе стороны от него» [\[20\]](#).

Справедливость совершения сеппуку в этой школе смерти не подвергалась ни малейшему сомнению: так заповедано! Суть же сеппуку состояла в демонстрации чистоты и незапятнанности собственных помыслов.

Такое отношение к жизни и смерти наиболее ярко продемонстрировано в классическом японском эпосе. В «Повести о Великом мире» описывается не больше и не меньше как 2640 случаев харакири. Все примеры описать мне просто-напросто не позволит объем данной книги, но один случай процитировать вполне возможно.

«Ёсимицу поднялся на сторожевую вышку и стал всматриваться вдаль — в том направлении, куда уехал принц. Он неясно увидел вдали его удаляющуюся фигуру. „Ну, теперь за дело!“ — подумал он. Оторвал мечом башенные доски, открыл всего себя стоящим внизу и громким голосом воскликнул:

„Второй сын императора Годайго, государя в девяносто пятом поколении со времени императора Дзимму — августейшего потомка великой богини Аматэрасу, принц первого ранга Такахато, ныне погиб от руки мятежных вассалов! Сейчас я покажу, как умерщвляет себя воин! Да послужит это образцом для вас, когда кончится ваше воинское счастье и вы будете сами готовиться разрезать себе живот!“

Сказав так, он снял доспехи и сбросил их с башни. Спустил с плеч парчовую накидку, бывшую под латами, обнажил верхнюю часть туловища, воткнул меч в белое блестящее тело и сделал слева направо по животу прямой надрез, выхватил оттуда внутренности и бросил их на пол башни, потом взял меч в зубы и упал лицом вниз» [\[21\]](#).

Нет, конечно, довольно часто самураи совершали харакири по самым несерьезным поводам. М. Хан описал даже случай сеппуку двух самураев из окружения императорской семьи. Оба этих самурая сделали себе сеппуку после спора о том, что их мечи задели друг друга, когда буси проходили по дворцовой лестнице.

Очень характерно для самураев соединить поэзию и смерть: перед сеппуку самурай садится и пишет «песнь смерти». Из жизни следует уйти красиво. Особенно если верный самурай уходит вслед за своим господином.

Столкновение с современностью

В Токио я попал практически случайно — я не планировал мое путешествие в столицу, но

случилось так, что на свой день рождения экспромтом решил сесть на скоростной поезд «Синкансэн» и отправился в город огней и ночной жизни. Километры до Токио пролетели очень быстро — каких-то два часа мелькания маленьких японских домиков в иллюминаторе «Синкансэна». Наконец поезд прибыл на центральную станцию Токио, откуда я пешком отправился осматривать достопримечательности японской столицы.

Трудно сказать, чем же так привлекает Токио миллионы туристов. Внешне это просто огромный мегаполис с небоскребами и прочей атрибутикой больших городов. Но у этого города есть непередаваемый дух свободы. Глоток этой самой японской свободы я сделал ночью, предварительно проехав по всем районам города в поисках ночлега. Заранее забронировать комнату в отеле я отчего-то не догадался, вот и пришлось колесить по всему городу. Мне посоветовали устроиться в так называемом модуле. «Комнаты» в таком отеле — это ячейки-модули, расположенные в несколько рядов и этажей. Помните фильм «Пятый элемент»? Там тоже были модули, в которых главные герои спали в самолете. Вот только в японском модуле есть еще и телевизор, радио, кондиционер, журналы — вообще все, чтобы нормально провести время и отвлечься от мыслей о клаустрофобии...

Я, сидя в модуле, думал вовсе не о страхе замкнутого пространства, а о совершенно ином.

«Чуткий ко всяким проявлениям движения жизни, японец мало любит форму, этот предел подвижности. Симметричность всего живущего, форм животных и растений — это явное выражение стремления природы к равновесию — оставляет его совершенно равнодушным. Он наблюдает и ухватывает в природе асимметричное, нарушенное равновесие, подчеркивает формы в момент изменения», — писал в 1904 году в книге «Япония и ее обитатели» Г. Востоков.

Как же примирить современную симметричность Японии и ее древнюю, асимметричную, душу?

Рай самураев

Когда глупого ронина выбросили через ворота на арену, зрители возрадовались и зааплодировали.

Да и как было не радоваться, когда дуралей подполз на четвереньках к брошенному в песок мечу, вспугнув двух слуг, убравших кровавые следы предыдущей битвы. Те спаслись от дурня через ворота. Из толпы донеслись крики:

— Покажи им! Отомсти за своего брата, малый!

Акира чувствовал, что душа его сейчас далеко и от него самого, телесного, и от всего, что произошло с ним в жизни. Он не понимал, что Токоты больше нет, он чувствовал лишь рукоять легендарного меча в руках, и рукоять эта еще сохранила тепло рук его брата. Теперь это тепло было всем, что осталось от Токоты.

Раздался боевой звук труб, и Акира зажмурил глаза. Наступил момент невероятной ясности. Домой ему путь заказан, не вернется он. Состязания были его идеей, а укоризненные взгляды остальных — «Почему ты взял с собой Токоту?» — убили бы его.

Не было у Акиры выхода. Жизнь и смерть утратили свое значение.

Вэй Гуань вышел на арену через правые ворота. Толпа жадно, голодно воззрилась на него, ведь глупый ронин перестал уже развлекать ее.

Вэй Гуань медленно стянул с плеч бесцветную одежду, обнажив торс. Зрители зашевелились в изумлении, увидев его татуировку, невероятное, филигранное произведение искусства, начинавшееся между лопаток и стекавшее вниз по спине. На татуировке

изображались два бога, мужское божество Изанаги но микото и женское Изанами но микото, в великолепных одеяниях и роскошных масках, стоявшие на подобном радуге мосту в небесах.

Вэй Гуань медленно подошел к Акире и остановился в паре метров от него. Руки его казались расслабленными. Акира все еще стоял, зажмурив глаза, сжимая меч и не глядя на своего противника.

— Что такое присутствие Ничто?

Акира открыл глаза. Несколько мгновений он пытался осознать, о чем его спрашивают.

— Что такое присутствие Ничто? — терпеливо повторил Вэй Гуань. Он говорил очень тихо и очень отчетливо.

— Исчезни, — устало отозвался Акира. — Или я убью тебя. Я ничего не имею против тебя самого и не хочу играть по правилам сёгуна, все это не имеет никакого смысла, но если ты не оставишь меня в покое, клянусь, я уничтожу тебя.

— Что такое присутствие Ничто?

— Оставь меня с миром, будь добр, монах. Мне нужно... мне нужно все вернуть.

Публика вдоль балюстрады начала позевывать от скуки и свистеть:

— Да, боритесь же вы, ленивые собаки!

— Обнажи свой меч, Акира!

— Что такое? Да убьете вы друг друга, наконец?

— Твой брат был лучше, он хотя бы сопротивлялся!

— Ба, да вы — трусы!

— Убить обоих? Обоих убить!

— Сацудзо!

— Пусть Сацудзо убьет их!

Дикий смех сетью оплетал Акиру и душил его. Он был старшим из сыновей героя Текемады, а люди смеялись над ним. Он держал в руках легендарный меч, а они смеялись. Это было еще хуже, еще ужасней, чем смерть Токоты, павшего все же в борьбе. «Твой брат был лучше». Текемада покачал бы головой и отвернулся, если бы мог сейчас видеть своего старшего.

Нет, так не должно быть! Он не должен сдаваться и просто так уступать. У него еще пять живых братьев и сестер, ему есть о ком позаботиться. А это значит, он должен выжить в этих состязаниях и вернуться домой, любой ценой! Но как?

Мог ли он после того, что произошло с Токотой, рассчитывать еще на что-то? Вряд ли.

Он видел лишь одну-единственную возможность: он должен победить Вэй Гуаня и убить его, приняв участие в кровавой игре сёгуна.

И Акира дико взмахнул мечом, а Вэй Гуань начал пританцовывать. Акира взрезал песок и само небо, но ни разу не попал в тело юного монаха. Внезапно Вэй Гуань взлетел в воздух, и Акира упал на арену, а меч выскользнул из пальцев юного воина. Песок взметнулся ввысь. Вэй Гуань вновь расслабился.

В почетной ложе сёгуна повскакивали со своих мест самураи:

— Что это было?

Сёгун прищурился. Невероятно! Такого быстрого удара он еще никогда не видел, а уж он многое повидал в своей жизни, больше, чем остальные воины. Сёгун слышал о многих удивительных вещах, но это... да было ли такое вообще возможно? Один-единственный удар...

Акира, страшно кашляя и взмокнув от усилий, поднялся на ноги. Что-то сломалось в нем, и ему казалось, что во всем его теле поселилась безграничная боль.

Босой, полуобнаженный монах приблизился к противнику, подарив тому драгоценную тень.

— Что такое присутствие Ничто?

Акира сейчас почти рассмеялся бы, если бы помнил, как это делается. Это какое-то

безумие, этот полуголый сумасшедший монах с глазами-миндалинами не подходил ко всему тому, чему учил его в воинском искусстве отец.

— Все, — выдохнул Акира, стараясь удержаться на дрожащих ногах. — Все и есть присутствие Ничто. Об этом знает каждый ребенок.

— Правда? Но все не похоже на Ничто, как любовь не похожа на ненависть.

— Лучше не спрашивай меня. Лучше борись. — Акира вновь вцепился в меч и устремился на противника. Он был уверен, что попадет, но его удар ушел в пустоту. Акира вновь обрушился на монаха и вновь изрубил лишь песок.

Вновь удар. Еще удар.

Он должен попасть на этот раз! Удары были такими быстрыми, что отнимали все его силы. Но монах по-прежнему танцевал свой танец, и никто бы не смог убить его.

Через какое-то время Вэй Гуань начал прикасаться к противнику — к его спине, голове и плечам, и иногда прикосновения эти казались ужасающе нежными, словно монах поглаживал Акиру. Но тот становился все слабее и слабее. Все больше иероглифов его имени отлетали прочь из жизни. Акира потерял легендарный меч, имена отца и матери, а вместе с ними и воспоминания об ужасной гибели брата Токоты. В последние мгновения Акира даже почувствовал почти умиротворение и улыбнулся...

Сёгун поднялся со своего места и заплотировал победителю.

Ему было видение о будущем боевых искусств и конце всех легендарных учений, и крики вокруг подтвердили ему, что это видение он делит с десятью тысячами других людей.

Самоубийство верных

Дзюнси или ойбара. Самоубийство верных, «убийство из-за верности».

Первоначально оно совершалось самураем лишь в том случае, если его господин был убит в бою или наемными убийцами. Подобная практика описывается в китайской летописи VII столетия, рассказывающей о «людях Ямато».

Особенно «популярно» дзюнси становится начиная со второй половины XV века. В «Хагакурэ» помещен рассказ об одном подобном случае. К Сукэдзаэмону, управителю владетельного даймё Набэсима, посланец даймё доставил приказ сделать харакири из-за дурного поведения дочери, покрывшей бесчестьем и позором имя отца. Сукэдзаэмон закончил партию игры в го, а затем отошел в сторону и спокойно вспорол себе живот.

Но у Сукэдзаэмона были в услужении восемнадцать самураев-вассалов. Не желая расставаться со своим любимым господином, эти самураи испросили у посланца даймё разрешения последовать вслед за умершим господином. Посланец, ужаснувшись такому большому количеству жертв, ответил им от имени даймё отказом. Тогда сын Сукэдзаэмона сказал: «Если воин сказал, что он умрет, бесполезно его останавливать. Пожалуйста, разрешите им сделать харакири». Встреча восемнадцати вассалов Сукэдзаэмона с господином на том свете была обеспечена.

Не менее примечательна в данном отношении клятва братьев Кусуноки после битвы при Минатогава, описанная в шестнадцатой главе «Тайхэйки»:

«Направившись на север от Минатогава, Масасигэ прибежал в одно селение. Здесь, намереваясь распороть себе живот, он снял доспехи и осмотрел свое тело: оказалось, что на нем было одиннадцать ран. С ним было 72 человека из отряда, и ни у одного из них не было менее трех-пяти ран. Все родичи Кусуноки в количестве тринадцати и их воины в количестве более

шестьдесят человек расположились в ряд в зале шесть кэн и, в один голос десятикратно возгласив призыв к буддам, все вместе разом распоролы себе животы.

Масасигэ, сидя на возвышении, обратился к своему младшему брату Масасуэ и спросил его: „Последнее желание человека перед смертью определяет его судьбу в грядущем. Чего же из всего, что есть в девяти мирах, хочешь ты теперь?“ Масасуэ хрипло засмеялся: „Все семь раз родиться на свет снова человеком и каждый раз истреблять государевых врагов“. Масасигэ радостно улыбнулся и сказал ему: „Твое желание недоброе, но и у меня такое же. Итак, родимся снова вместе на свет и добьемся исполнения этого нашего желания“. И, дав друг другу такую клятву, оба брата проткнули друг друга мечами и пали рядом на одно и то же изголовье» [22].

Самоубийства верных становились обычной практикой между буси. Надо сказать, что, по данным «Вэйчжи» («Хроника Вэй»), дзюнси было специально запрещено указом еще в 646 году, но, разумеется, самоубийства подобного толка так и продолжались. Вот еще один пример из «Гайхэйки»:

«Принц спросил: „А как нужно убивать себя?“ Ёсиаки, сдерживая хлынувшие слезы, проговорил: „Вот так...“ И, не договорив до конца, выхватил меч, повернул его на себя, вонзил в левый бок и разрезал себе несколько ребер по направлению к правому боку. Затем вынул меч, положил его перед принцем, упал ниц и умер. Принц тотчас же взял меч, обнажил свое подобное снегу тело и, вонзив меч около сердца, пал на то же изголовье, что Ёсиаки.

Все бывшие с принцем... воскликнули: „Мы тоже вслед за принцем!“ В один голос возгласили молитву буддам и все сразу совершили харакири. Видя это, воины, числом более трехсот, что стояли во дворе, стали пронзать друг друга мечами и грудой свалились на землю» [23].

Поверьте, это вовсе не литературщина, не художественное преувеличение японских романтиков с пером в руке. К примеру, после смертей Мацудайры Тадаеси и Хидэясу произошло 1607 дзюнси. Самоубийства совершали даже самые высокопоставленные лица. Так, в 1651 году после смерти сёгуна Токугавы Иэясу покончили с собой тринадцать его ближайших советников, в том числе и двое редзю (старших советников). Намереваясь лишиться себя жизни, владетельный даймё Утида Масанобу собрал гостей, чтобы выпить с ними по прощальной чарке саке. У него собралась компания из пятидесяти-шестьдесят человек. Вечером он отдохнул — до двенадцати часов ночи, а проснувшись, поворчал, что его не разбудили вовремя, хотя он так об этом просил. С такими словами Масанобу уселся на циновку и вспорол себе живот.

Дзюнси практиковалось столь широко, что многие даймё объявили его вне закона. В 1663 году его попытались запретить уже на уровне сёгуна. За самоубийство верных начинают наказывать. Так, когда в 1668 году скончался даймё Окудайра Тадамаса, один из преданных его вассалов совершил дзюнси. Ему-то на небесах будет уже все равно. Но... по приказу сёгуна убьют его детей, вышлют прочь всех остальных родственников и лишат их феода.

Однако, несмотря на меры устрашения, убийства из-за верности все равно продолжались. И вот уже в XX веке прогремело и ужаснуло мир двойное убийство генерала Ноги и его жены после смерти в 1912 году императора Японии Мэйдзи.

В день похорон императора Мэйдзи генерал Ноги Марэсукэ отправился во дворец и воздал последние почести своему скончавшемуся повелителю. Вечером он вернулся домой со службы, поужинал с женой Сидзуко и дождался захода солнца, когда пушечные залпы возвестили о том, что катафалк с телом императора проезжает через дворцовые ворота. Это было словно сигналом к действию: генерал и его жена сели напротив портрета императора, после чего Ноги вспорол себе живот, а Сидзуко тоже совершила харакири, поскольку со Средних веков жены самураев наносили смертельный удар себе в сердце. Такой кинжал, кайкэн, всегда был свадебным подарком мужа. Рядом с телами обнаружили затем завещание генерала Ноги Марэсукэ, среди

всего прочего написавшего: «Я не могу более служить своему господину. Находясь в глубоком горе по причине его смерти, я решил окончить свою жизнь» [\[24\]](#).

Столкновение с современностью

Ночная жизнь Токио встретила меня миллионами мерцающих разноцветных рекламных огней. В два часа ночи район Синдзюку, считающийся одним из самых значных мест города, начинал безумную «движуху». Тысячи мотоциклистов и скутеристов приезжают сюда, чтобы ночью «оттянуться» по полной программе, по улицам ходят панки с невообразимыми прическами и девушки в откровенных нарядах и юбках намного выше колена. Зрелище, увиденное мной в два часа ночи, когда город просто бурлит жизнью — со всех сторон разноцветьем манят неоновые вывески разных клубов и т. д., — поразило мое воображение, наверное, навсегда. Поразило его и другое.

Надо сказать, что миф о том, что японские города — стерильно чистые, себя оправдывает: это и есть самый настоящий (и даже циничный) миф. Конечно же, на центральных улицах городов очень чисто, там можно даже сидеть на асфальте и не запачкаться. Но так обстоят дела далеко не во всех районах японских мегаполисов. Когда попадаешь в токийский район Синдзюку, то чувствуешь, что очутился в каком-то грязном квартале города из фантастического фильма или же на индустриальной свалке. Прямо на дорогах валяются всевозможные банки из-под горячительных напитков, которые подбирают местные бомжи.

Я пробирался по району, больше смахивающему на декорацию к недорогому голливудскому фильму, и вспоминал слова Бернарда Рудофски, сказанные им в 1966 году в «Мире кимоно»:

«Японцы усовершенствовали методы дистиллирования красоты... до степени, неведомой нам... Поскольку вкус в Японии находится в общественном пользовании, он никогда не носит на себе личного клейма. Образцы красоты обретают поэтому силу закона».

Грани... Грани реальности и грани карикатуры на нее все время сталкиваются... Дистиллированная красота — карикатура или реальность?

Рай самураев

...Сацудзо против совершенно неизвестного, но вооруженного хорошим мечом смуглого воина по имени Янутото Цуемоти — неслыханный поединок.

Толпа почти что не дыша, напряженно ждала выхода главного героя драмы.

Трубы загудели еще до того, как поединщики вышли на покрытую песком арену. Затем медленно открылись левые ворота и появился Бабочка. Он шел медленно, словно и без охоты к бою, с обнаженным мечом наизготовку.

Бабочка презрительно оглядел трибуны. Богатые бездельники глазели на него, будто на экзотического зверя в клетке.

Снова зазвучали трубы, еще более грозно. Из правых ворот появился Сацудзо, и в тот же миг все стихло на трибунах. На Сацудзо было черно-красное одеяние, выражение лица воина казалось серьезным и сосредоточенным, он был слишком профессиональным и точно знал, что сейчас брошено на кон игры. Невозмутимость противника обеспокоила его. Может, этот безвестный так ведет себя потому, что еще никогда не слышал о Сацудзо и оставленной им просеке? Или же он столь талантливый воин, что не боится никого, даже Сацудзо?

Они стояли друг против друг а и смотрели друг другу в глаза.

А потом раздался сигнал к бою.

...Еще никогда не сталкивался Сацудзо с таким противником, еще никогда. Правая нога уже болела нещадно, возможно, он сломал пару пальцев. Ничего, он все равно убьет его.

— Кто ты? — взревел Сацудзо.

— Я убиваю за деньги.

И их мечи вновь скрестились. Сацудзо пытался напасть, но все было бесполезно, Бабочка все время оказывался недотягаем. А меч был слишком тяжел. Последний удар Бабочки был чересчур быстр для человека. Сацудзо рухнул, и его голова отделилась от тела. Она покатила по песку арены и глухо ударила о край деревянной балюстрады.

У толпы перехватило дыхание.

А затем толпа закричала, зарыдала и обрушилась в беспамятство. Она проклинала Бабочку и бросала в него всем чем могла. Рев людей был подобен урагану, казалось, стонала даже арена.

Столкновение с современностью

Японские бомжи — это вообще отдельная тема, и сейчас я попытаюсь объяснить, откуда они вообще появляются в благополучной Японии. В принципе, в этой стране не нужно быть слишком умным или слишком пронырливым для того, чтобы зарабатывать нормальные деньги, ездить на хорошем автомобиле и жить в собственном небольшом доме. Для этого достаточно устроиться на работу в стабильную фирму и проработать в ней несколько десятков лет, а если хватит терпения — то и до пенсии. Но... в японских компаниях редко приветствуются творческий подход и креативность. Человек как личность попадает под прессинг. Во многих компаниях он воспринимается лишь как шестеренка в огромном механизме или как безликий муравей-работяга. Но далеко не все японцы готовы принять эту ситуацию такой, как она есть. Некоторые, разочаровавшись в компании, которой они отдали всю свою жизнь, бросаются под поезда метро, что было одно время крайне популярным способом свести счеты с жизнью (точнее, с работой). А некоторые считают, что все японское общество — это огромный муравейник и что даже в искусстве ты будешь лишь инструментом огромной машины... Вот из таких людей и состоит некоторая часть японских бомжей. Конечно, среди них есть немалая доля алкоголиков и просто опустившихся людей, но, как ни странно, их вид далеко не всегда вызывает сожаление: они часто валяются, пригревшись на солнце, где-нибудь на тротуаре и слушают дорожный плеер IPOD... В Токио есть даже парк, в котором живут бомжи в своих картонных коробках. Прочитав произведение Кобэ Абэ «Человек-ящик», можно лучше понять внутренний мир японских неформалов и ушедших из социума личностей.

Гуляя по этому парку, я вспоминал прочитанные когда-то «Записки капитана В. М. Головина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах»:

«Японцы употребляют крепкие напитки; многие из них, а особенно простой народ... но со всем тем склонность к сему пороку не столь велика между ними, как между многими европейскими народами; быть пьяным днем у них почитается величайшим бесчестьем даже между простолюдными; и потому пристрастные к вину напиваются вечером, после всех работ и занятий, и притом пьют понемногу, разговаривая между собой дружески, а не так, как у нас простой народ делает: „тяпнул вдруг, да и с ног долой“».

Грани реальности и грани прошлого...

Глава четвертая

САМУРАЙ И ЖЕНЩИНА

Эпоха самураев оставила нам идеал настоящей женщины. Женщина должна быть хрупка, миниатюрна, нежна и мягка, сдержанна и преданна. Внешняя привлекательность и происхождение чрезвычайно ценились в среде самураев: они считались результатом счастливой кармы, благодетельных прежних рождений. Идеальная хэйанская аристократка была в меру образованна, обладала прекрасным почерком и умела вести переписку, играла на музыкальных инструментах (как правило, на кото), танцевала, владела искусством составления ароматов. Такая женщина обладала в значительной степени и социальной, и моральной независимостью.

И при всем том ее положение в сфере любовных отношений, в семье, да и во всем остальном не было равным с мужским уже в эпоху Хэйан. В Японии очень долго сохранялась такая форма брака, как «цумадои», или «посещение жены», при котором муж жил отдельно от супруги и лишь время от времени навещал ее. Полигамия была нравственной нормой, и отсутствие нескольких жен у мужчин было признаком бедности и простого происхождения. Женщина могла принимать у себя и других мужчин в отсутствие мужа, но официально многомужество расценивалось как измена. Не случайно в хэйанскую эпоху нет культа материнства. Женщина становится объектом созерцания в ней всего особенно женского, но женственного без материнства. Вот в повести о принце Гэндзи можно прочитать: «Женщины рождаются на свет лишь для того, чтобы их обманывали мужчины».

Японская средневековая женщина признает свою подчиненную природу как мировой порядок и считает своим долгом — и по инстинкту, и по воспитанию — следовать этому природному порядку (он выражен в виде гармонически-подвижного сцепления инь-ян).

Как это ни странно, при всем вышесказанном в Средние века роль женщины у самураев была очень велика. Предлагаю вспомнить мифы и о солнечной богине Аматаэрасу (она главенствовала над всеми богами японского пантеона), и о равенстве богини Идзанаги своему супругу — богу Идзанами.

В первых же хрониках японской истории довольно часто упоминаются подвиги воинственных цариц, лично предводительствовавших над войсками в Ямато. Эти древние японские императрицы обладали просто колоссальной энергией для управления государством как напрямую, так и удалившись от всего мира.

Самурайские женщины, возможно, и не командовали войсками, но без них мужчины-буси точно никогда бы не стали идеальными воинами на Пути служения.

Приведу историю госпожи Масако. Она была женой первого сёгуна периода Камакура — Минамото Ёритомо. Надо сказать, что сам сёгун был самурай так себе, не очень. Именно он посеял множество семян ненависти и недоверия, затравив собственного брата Ёсицунэ — победителя Тайра, прекрасного полководца и просто неплохого человека. А вот с женой Минамото повезло: все в его жизни и в жизни его страны держалось именно на госпоже Масако. По свидетельству историков, Масако была проницательной и отважной женщиной, и даже после смерти сёгуна госпожа Масако управляла и весьма неплохо... всем государством. И это — единственный случай, когда верховная власть в стране находилась в руках женщины неимператорского происхождения.

Удивительные японские женщины тоже шли по Пути воина, по Пути служения. «Кодекс Буси-до» восхвалял женщин-самураев, которые были способны, как писал Лекки в «History of

European Morals», «подняться выше несовершенства и недостатков, свойственных их полу, и проявить героическую силу духа, которая могла бы быть достойной самых храбрых и благородных мужчин».

Искусству владеть оружием самурайских женщин обучали с малолетства. Женщины-самураи, не имевшие своего господина, были вынуждены сами становиться собственными телохранителями. В день достижения девушкой из рода буси совершеннолетия — в 12 лет — ей вручали кинжал кайкэн. Он всегда находился при ней, в рукаве или за поясом. Им можно было наносить молниеносные удары в ближнем бою, его метали со смертоносной скоростью, к нему прибегали для совершения ритуального самоубийства.

Оружием женщины-самураи вообще владели мастерски, в том числе даже копьем, как прямым — яри, так и изогнутым — нагината. А хранили женщины-буси свои копья над дверью в жилище, получая таким образом возможность использовать его против атакующих врагов или любого непрошеного гостя, проникшего в дом.

Женщины-самураи умели биться и не бояться смерти. Иногда они даже сами убивали мужчин, когда те колебались совершить ритуальный акт харакири. В старинном сказании о доме Тайра есть такой эпизод. У Данноура Нииодоно происходило морское сражение, и бабушка малолетнего императора Антоку, столкнувшись с угрозой попасть в плен к воинам Минамото, прижала ребенка к себе и бросилась с обрыва. За ней последовали все ее придворные дамы. Спасти удалось — да и то насильно — только мать малолетнего Антоку.

Женщины-самураи умели протестовать (канси) против произвола господина. Так, один из правителей провинции Хиго воспылал преступной страстью к жене своего верного вассала и убил его. Горю женщины не было предела, но она была обязана отомстить недостойному правителю, даже если эта месть — всего лишь слабое канси. Женщина попросила немного времени для того, чтобы похоронить убитого мужа и оплакать его, а также собрать придворных, чтобы отметить конец траура. Правитель Хиго поверил ей — до того ослепила его страсть. Придворных красавица предложила собрать на высокой башне, с которой в итоге и бросилась вниз на глазах у обманутого недостойного правителя и гостей.

Целомудренность эти женщины ценили выше жизни. Однажды девушку-самураю взяли в плен. Опасаясь насилия, она решила схитрить и попросила написать письмо своей сестре. Дописав письмо, девушка-самурай бросилась на ближайшего из воинов,хватила у него оружие и заколола себя, спасая свою честь. В письме были строки прощальных стихов:

На небосклоне юная луна,
Из опасения, что блеск ее затмят
Бегущие из темноты к ней облака,
Стремительно бежит.

Путь служения женщины-самураю — это Путь служения своему супругу. С самой юности женщин-самураев приучали ставить интересы мужчин-буси выше собственных. Образ легендарной Адзумы был для самурайских девушек романтическим идеалом исполнения женой самураю своего долга. Согласно легенде, Адзума узнала, что ее возлюбленный собирается убить ее супруга. Она любила обоих. Но, считая своим долгом спасение жизни мужа, она ночью вышла в темноте на дорогу вместо него и приняла смерть от удара меча своего любовника.

В книге Инадзо Нитобэ «Бусидо — душа Японии» приводится письмо молодой жены одного даймё. Оно было написано женщиной перед совершением ею сеппуку. Думаю, оно многое расскажет даже нам, современным людям:

«Я знаю, что ни одно несчастье или трагедия в жизни человека не происходит без предопределения свыше. словно ветвь, упавшая в реку, мы вновь обретаем покой в реке забвения, из которой все вышли. Два коротких года назад, соединясь узами брака, мое сердце последовало за вами, став вашей преданной тенью, и как неразрывная связь двух любящих сердец, я всегда готова последовать за вами. Я пишу эти слова, как прощанье с нашей любовью, поскольку я знаю, что предстоящая битва будет последней в вашей жизни... Если земля не будет больше дарить надежду и радость, то зачем мне оставаться на ней, проведя весь свой остаток жизни в печали о вас?»

«Кодексе Бусидо» сказано:

«...женщина должна быть точно так же предана своему мужу, как он — своему господину».

«Женщины отличаются от мужчин... пульсом. Но в последние пятьдесят лет пульс мужчин стал таким же, как пульс женщин... Дух мужчин ослабевает. Они стали подобны женщинам, и приблизился конец мира».

Рай самураев

— Ну, не дурак ли ты, раз выходишь безоружным против того, кто держит в руках такой меч?

Вэй Гуань Джоу и Митома ждали сигнала к бою.

— Тебе, что, так хочется умереть? Эй, да ты слышишь меня? Я ведь, кажется, о твоём скором конце говорю! Мог бы по крайней мере проявить хоть каплю интереса!

Вэй Гуань скинул одежды и расслабленно взмахнул руками.

Раздался сигнал к бою. Борьба началась на безумной скорости.

Монах танцевал вокруг Митомы, а Митома обнажил сразу два клинка. Но пока ни один из противников не мог подступить к другому. С трибун вскоре понеслись ободряющие крики:

— *Митомааа! Миитооомааа!*

И:

— *Вэй Гуань!*

Прыжок монаха — и на руках сына даймё появились тонкие струйки крови.

— *Что такое присутствие Ничто? — внезапно спросил монах.*

Лицо Митомы исказилось, превратившись в чудовищную маску. Возможно, молодой самурай так улыбался противнику.

— *Присутствие Ничто есть боль. Подойди ближе, и ты познаешь боль, ничтожный.*

Митома атаковал, но Вэй Гуань отклонился. Песок взметнулся в воздух. Вэй Гуань исчез за каскадом песка, перевернувшись колесом. Митома тряс головой и тер кулаками глаза. Потом откуда-то вылетел монах, и его нога, словно невзначай, коснулась рук Митомы. Но все было так быстро и столь дико, что даже сёгун не смог ничего понять.

Все повскакали на ноги. Что за битва! Уродливый сын даймё и непобедимый безоружный монах творили просто чудеса.

Вновь атаковал Митома. Вновь атаковал монах. На теле Вэй Гуаня появились кровавые полосы.

Плечи и грудь Митомы вздымались и опускались, словно в экстазе.

— Боль, боль, боль, боль, боль, — в упоении выкрикивал Митома.

Жар выжигал противникам глаза. Дышать было нечем.

Внезапно Вэй Гуань взлетел в воздух, и его руки превратились в режущий алмаз.

Удар пришелся в подбородок Митомы, зубы у сына даймё громко клацнули.

Борьба завершилась.

Митома шатнулся. Два меча дождем стекли из его рук в песок арены. А сам Митома рухнул на землю, так и оставшись лежать там горкой из плоти и костей.

Вэй Гуань расслабился. Все его тело было окровавлено. Но он должен выказать уважение противнику.

— Боль не являет собой присутствие Ничто, друг мой, ибо боль ничего не значит. Ты сам доказал это, а я лишь подтверждаю. Но все же я благодарен тебе за твою попытку дать мне ответ, сын даймё.

Зрители все еще не могли понять, что Митома уже более никогда не встанет. Трудно было поверить, что один-единственный удар способен уничтожить даже вооруженного мечами самурая.

А потом на арену выскочили слуги и два лекаря. Один наложил повязки на раны монаха, а второй установил, что Митома жив, но еще не скоро придет в сознание и уж тем паче поднимется на ноги.

— Должен ли жить воин Митомы? — выкрикнул глашатай. — Он — сын даймё, он славен своими битвами на полях сражений.

Толпа благодушно закричала:

— Митоомааа! Митоомааа!

Сам он, впрочем, ничего не слышал, ощущая сейчас лишь присутствие Ничто. Его уносили с арены прочь на носилках.

Экскурс. Как картина на стене — «Непрошенная повесть»

В самом начале XIV столетия в Японии жила придворная дама по имени Нидзе. Жила она и до двадцати шести лет служила во дворце Томикодзи. Служила императору-ребенку (годовалому мальчику), отец которого Го-Фукакуса, фаворит Нидзе, именовался «прежним» государем или «государем-монахом».

Знатным мужчинам и женщинам, служившим при дворе, приходилось самим содержать себя, а также своих слуг и служанок и свой выезд. Это был причудливый мир. По существу, жизнь при дворе была своеобразным вращением на холостом ходу, ибо былой порядок эпохи первых небесных императоров безвозвратно канул в прошлое. Но при дворе, к счастью, продолжали занятия искусством: музыкой, рисованием и литературой.

Нидзе была, судя по всему, утонченной натурой. В своей «Непрошенной повести» она использует лексику моно-но аварэ, что буквально переводится с японского языка как «очарование вещей»: «рукава, орошаемые потоками слез», «жизнь, недолговечная, как роса на траве». Сцены прощания с возлюбленным «прежним» государем обязательно происходят при свете побледневшей луны.

Судьба дважды нанесла ей удар, в значительной мере определив ее дальнейшую участь. Ей было пятнадцать лет, когда умер ее отец, знатный самурай, и немногим более шестнадцати, когда умер ребенок, рожденный ею от императора. Смерть императорского отпрыска развеяла ее мечты о личной карьере и отняла надежду на восстановление былой славы ее знатного, но

захудалого рода. Кто только не заботился о Нидзе! Ее поддерживали все понемножку — и родичи (дед и дядя), и любовник Сайондзи, и сам «прежний» император Го-Фукакуса, и его брат, тоже «прежний» император Камэяма, и даже старый министр Коноэ. Нидзе поневоле пришлось быть послушной чужим страстям и мимолетным капризам. И финалом живописного полотна жизни в грустном свете угасающего «очарования вещей» стала для нее монашеская ряса.

Эпоха божественных императоров и мира уходила в прошлое, сменяясь разрухой и братоубийственными войнами. И вместе с этой эпохой из блистательной придворной жизни уйдет после гибели возлюбленного и Нидзе, уйдет в буддийские монахины, уйдет в картину одиночества.

И все же, несмотря на все испытания, Нидзе не пала духом. Сквозь патину времени на картине жизни выступает лицо женщины, наделенной природным умом, разнообразными дарованиями и тонкой душой. В ней заложена удивительная энергия, настойчивое, целеустремленное желание вырваться из порочного круга дворцовой жизни. Требовалось немало мужества, чтобы это желание в конце концов осуществилось. Такой и остается она в памяти людей — нищая монахиня с непокорной душой. И это тоже — неповторимое очарование вещей и людей. Это тоже история самураев и Женщины...

Столкновение с современностью

Надо сказать, что в России сложился некий стереотип о том, что все японские девушки маленького роста и больше смахивают на кукол, нежели на живых людей. На самом деле они — разные, от японских миниатюрных красавиц с милой улыбкой до девушек с европейской фигурой, длинными ногами и необъятным бюстом. Но при этом все они сохраняют свой неповторимый восточный шарм, обаяние и скромность, а их зажигательный смех не спутаешь со смехом ни одной девушки другой страны. Японки очень приветливы и общительны: они с радостью знакомятся с иностранцами даже на улице, делая при этом крайне удивленные глаза и восхищенное выражение лица.

Несмотря на то, что японки с радостью идут на контакт, они всегда сохраняют свою природную скромность, и грубым мужским приставанием от них вряд ли удастся чего-нибудь добиться. Многие из европейцев считают, что из японок с их традиционной услужливостью и отношением к мужу как к хозяину выходят лучшие жены. Возможно, все это и верно, однако противоречивость нрава современных японок заключается в том, что очень многие черты характера оказываются скрыты под внешней социальной маской, которую по традиции носят все члены общества (по-японски «татэмаэ»). Глобализация также изменяет традиционные отношения к женщинам в Японии: насмотревшись на американок и европейек, японки начали вести себя намного активнее как в личной жизни, так и в бизнесе. По этой причине в мегаполисах все чаще можно увидеть азиатских бизнесвумен. Но мне лично намного приятнее было разговаривать с японками, которые сохранили традиционные женские черты характера, такие как скромность, воспитанность и терпеливость.

И вот ведь что поразительно! Глобализация «прет» полным ходом, японский мир тоже феминизировался, а в токийском метро появились специальные вагоны для женщин, в которые категорически запрещен вход мужчинам. Эта тема тут же была затронута в одном из эротических клубов, где в натуральную величину построена модель вагона метро. Сюжет этой «игры» следующий. В вагон, где уже сидит девушка, которая делает вид, что «едет» по своим делам, входит мужчина. Этот «нехороший» японский мужчина тут же начинает активно

приставать к ней. Девушка возмущена и отталкивает его. Подобный вид «игровой» проституции очень развит в Японии, в которой мужчины часто страдают от скрытых комплексов и сексуальной неудовлетворенности. Ролевые эро-игры становятся все более популярными среди задавленных дисциплиной, жесткой иерархией и рабочими стрессами японских бизнесменов. Естественно, что все посещения эро-клубов держатся в строгом секрете от коллег клиента и от любых других посторонних лиц.

Грани, грани, грани невероятной Японии... И постичь их очень трудно.

«Если японская женщина живет в обществе, в котором внешне доминирует мужчина, то это общество, которое она сама помогла создать. Сердцевину его составляют черты, в которых бесспорно проявляется рука женщины», — писал в книге «Япония: хрупкая сверхдержава» Фрэнк Гибней.

Рай самураев

Безоружный монах казался хрупким, почти неживым. И тем не менее держался он прямо, и выражение его лица было спокойно, вот только каждый шаг осторожен, как напоминание о тех ранах, что нанес ему безумный сын даймё Митома.

Через левые ворота появился Бабочка, оглядел своего последнего противника и недоверчиво покачал головой.

— Да это же настоящее безумие, парень. — Он обошел Вэй Гуаня со всех сторон и замер метрах в трех от своего противника — сигнал к бою еще не прозвучал. — Не будь дураком, монах. Сдайся. Просто ляг, и я пощажу тебя. Мне нужна эта победа, мне нужен золотой меч самурая.

Вэй Гуань слабо улыбнулся:

— Твоя забота делает честь мне, но она безосновательна.

Бабочка прищурился:

— Ты от боли, верно, совсем потерял рассудок. Я убил Сацудзо, а он казался неуязвимым. Я убил еще двух противников, и на мне ни царапины. У тебя нет никакого шанса выстоять.

Вэй Гуань моментально собрался, затем поднял взгляд от земли и поглядел противнику прямо в глаза:

— Что такое присутствие Ничто?

Бабочка схватил меч обеими руками.

— Понятия не имею. Да мне и все равно как-то. Я не буду думать об этом, монах. Я просто убью тебя, и точка.

Раздалось гуденье труб.

Бабочка обрушился на своего противника на невероятной скорости, рассчитывая на то, что раны ослабили монаха, но Вэй Гуань ускользнул в сторону и нанес разбойнику удар по правой ноге. Это произошло вроде как случайно, но удар оказался настолько жесток, что Бабочка потерял равновесие и тяжело рухнул в песок, с трудом избежав падения лицом на свой собственный меч. Боль под правым коленом превратила все его кости и плоть в нечто, что более уже не принадлежало ему. «Черт подери, — пронеслось в голове наемного убийцы. — Ведь я же так лихо расправился с Сацудзо, так почему сейчас?..» Неужели конец? Неужели он и подняться уже не сможет?

Бабочка откатился с места падения, опасаясь нового удара, пока он беспомощен. Но монаха не было поблизости. Он медленно кружил в нескольких метрах от противника, внимательно наблюдая за Бабочкой.

— Что такое присутствие Ничто?

Бабочка разъяренно оскалил зубы. Происходящее было слишком абсурдно.

— Да с чего мне знать-то? — выдохнул он и поднялся, опираясь на меч. Вэй Гуань позволил ему это. Бабочка осторожно ощупал поврежденную ногу. Ладно, стоять он может, главное, без перелома обошлось.

— Ты совершил ошибку, монашек, — выдохнул Бабочка, стараясь выгадать время и отдышаться как следует. — Тебе надо было кончать меня, когда я валялся в песке. Теперь-то я уж точно убью тебя.

Вэй Гуань внезапно подскочил в воздухе, и Бабочка едва успел отшатнуться. Этот безоружный противник, отказавшийся даже от своего боевого посоха, был совершенно непредсказуем. Ничего, он все равно достанет его! В тот же миг что-то коснулось левого колена Бабочки, совсем тихо, словно дуновение ветерка. Бабочка взмахнул мечом и рассек пустоту, рассек Ничто. Вновь удар — и вновь пустота. А вот удар монаха по левому колену оказался совсем не дуновением, колено болело так, что левая нога потеряла опору. Бабочка вновь рухнул в песок. Следующий удар монаха переломил ему спину.

Зрители стихли. Криков торжества слышно не было. Все чувствовали присутствие Ничто над ареной.

Хэйко наконец опомнилась. Она рванулась сквозь толпу, вцепилась в балюстраду, повисла на ней, перемахнула через заграждение и рухнула в песчаный гроб арены.

Монах отполз от умирающего Бабочки. Его лицо было раной страдания и усталости. Ему не нужны были награды и почести сёгуна.

Хэйко бросилась к Вэй Гуаню и нежно прикоснулась к его рукам. В глазах монаха блеснули слезы. Он увидел любовь во взгляде Хэйко.

И монах вновь поверил женщине...

Финал в столкновении с современностью, практически самурайский

Покидая Японию, я решил привезти одному моему другу японский меч. Не настоящий, конечно, ведь стоимость самурайской катаны зашкаливает за несколько десятков тысяч долларов. В Японии по сию пору есть настоящие мастера, которые всю жизнь занимаются заточкой лезвий катан. Помните эпизод из фильма «Телохранитель», когда главный герой бросает в воздух шелковый шарф, и он медленно опускается, покачиваясь в воздухе, на лезвие катаны, которое легко разрезает его на два равных кусочка? Красотища...

Имитаций катан в Японии продается огромное количество, и некоторые из них вполне безупречны и достойно украшают любой интерьер. Но катаны с обилием позолоты меня нисколько не заинтересовали — уж слишком они отдавали... китайщиной. Зато я обнаружил очень симпатичный меч, который продавец, немного поторговавшись, отдал мне вместе с куклой гейши.

Опять грани... Грани современности и грани прошлого. И почему-то они все никак не соприкоснутся друг с другом. Япония самурайская уходит все дальше от Японии нынешней, а нынешняя забывает сказать ей: «Саёнара!» — «До свидания!»

Все было кончено.

Осталась лишь тень только что миновавших событий.

Зрители вернулись в повседневность.

С помощью Хэйко юный монах нес по узким переулкам Осаки тело Бабочки. Хэйко тяжело пыхла и отфыркивалась, словно изрядно выпив sake. Наконец она поставила замотанного в саван Бабочку рядом с Вэй Гуанем, словно были те славными товарищами.

— Стой здесь и не двигайся, самурай Вэй Гуань. Я позову стражу и добуду телегу, чтоб отвезти тело за стены. — И Хэйко со всех ног быстро помчалась прочь.

Вэй Гуань остался один с Бабочкой, в полубессознательном состоянии глядя в узкие оконца, изо дня в день высматривающие безутешный переулок. Над монахом внезапно склонились огромный уродливый тип и угловатый мужчина с крысиным лицом.

Куколка дотронулся до лица монаха острием кинжала:

— Эй, монашек. Ты ведь убил кое-кого, кого я всегда ненавижу. Может, теперь ты со мной подружишься, хе?

Рядом завертелся Гусеница:

— погоди, это же был мой план. С самого начала. Я даже такой вот переулок с самого начала представлял. Все так и было бы, да Бабочке вздумалось мечом помахать.

— Бабочка был безмозглым дураком. И чего ты его за собой тащишь, монашек? Брось ты его лучше, так, как это сделали мы.

— Стражники могут объявиться в любой момент, — суетился Гусеница. — Забирай у него золотой меч, и испаряемся.

— Забирай сам, а я присмотрю, чтоб монашек не вздумал сопротивляться.

Вэй Гуань почувствовал, как дрожащие руки Гусеницы шарахают у него на боку, и закрыл глаза.

— В порядке, уходим. Ты прикончишь его, ведь так, Куколка?

— Зачем? Он и так почти сдох уже. Знаешь, монашек, почему ты сидишь здесь? Ты выглядишь проклятым нищим. Да, точно так ты и закончишь. Ноги откажут тебе. Ой, у меня есть для тебя кое-что: твоя первая милостыня. Привыкай.

И Куколка вложил в руку монаха монету. Разбойники поднялись.

— Что такое присутствие Ничто? — еле слышно спросил Вэй Гуань.

— Эй? Да ты что?

— Присутствие Ничто. Понимаешь?

— Да он бредит. Верно, сдохнуть собрался, — разумно заметил Гусеница.

В конце переулка произошло какое-то движение. Появились стражники: это Хэйко привела их.

— Что вам надо? — уже издали закричала встревоженная девушка. — Отойдите от него!

— Да мы ж не делаем ничего, — благодушно ухмыльнулся Куколка. — Мы ему денег подали, он же сам и идти не может.

— Да мы уже уходим. Ничего дурного не делали, — безобидно вскинул руки Гусеница.

Но пять стражников все приближались. Легкий ветерок шевелил полы их кимоно. Тихим голосом Вэй Гуань запел:

— Гусеница, куколка, бабочка, несите ваш урожай. Гусеница, куколка, бабочка, танцуйте дико. Скачи, лети, беги, ибо ты следующим станешь — Гусеницей, Куколкой, Бабочкой...

Все закричали одновременно. Куколка с жуткой ухмылкой двинулся на стражников. Те выстрелили из арбалетов. Гусеница рухнул на спину на листья гнилого салата. Золотой меч

самурая слепо ударил в стену дома. Рука мертвого Бабочки хрустнула под ногой Куколки. Стражники что-то кричали. Стреляли арбалеты. Визжала Хэйко. Вэй Гуань долго смотрел на чужую монету в своей руке, а затем начал смеяться. Замотанное в саван тело Бабочки подкатилось под ноги Куколки.

Небо перевернулось для монаха, поменявшись местами с землей.

Что такое присутствие Ничто? Ищи молчания сердца, юный друг.

Без оружия. Совсем без оружия. Учись молчанию сердца.

Следуй за ходом солнца. Следуй, следуй.

Что такое присутствие Ничто? Что такое присутствие Ничто?

Умой лицо в крови твоих врагов. Учись высоким мыслям. Узнай наши мысли. Они — твоё происхождение.

И твоё имя в будущем тоже станет Ничто. Ищи. Иди. Познай. Следуй. Мысли. Будь. Ищи. Ищи. Ищи.

Ищи присутствие Ничто.

notes

Цит. по: Овчинников Вс. Сакура и дуб. М., 1983.

Так что изначально самураи весьма напоминали скандинавских хускарлов XI века, являвшихся дружинниками при дворе того или иного феодала.

См.: Овчинников Вс. Указ. соч. С. 80

Цит. по: Востоков Г. Япония и ее обитатели. СПб., 1904. С. 360.

Более подробный ее вариант упоминается в книге: Петерсон С.-Л. Легенды о мастерах боевых искусств. М.: Астрель, 2005.

Овчинников Вc. Указ. соч. С. 104–105.

Divine Wind. Annapolis, 1958. P. 204–205.

Цит. по: Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы. М.: 1985. С. 128.

См.: Томацу Ивадо. Хагакурэ Бусидо // Восточное обозрение. 1943. XVI.

Перевод статьи «Мантайм» был опубликован даже в СССР: Возвращение самурая // Литературная газета. 1974. 10 апреля.

Япония и ее обитатели. С. 336.

Овчинников Вc. Указ. соч.

Цит. по: Япония и ее обитатели. С. 339.

Цит. по: Стэдом А. Японцы о Японии. СПб., 1908. С. 245.

Впрочем, по свидетельству ряда японских историков, уже в конце XIV столетия употреблялось название Осака. Например, в книге Такинадзавы Мацуо «Проникновение денежной экономики в Японию». Токио, 1927. С. 49.

Япония и ее обитатели. С. 336.

Цит. по: Иванов В. От Пиренеев до Фудзи // Всемирный следопыт. 2004. № 9.

Цит. по: Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы. М., 1985. С. 163–164.

Цит. по: Feibleman J. Understanding Oriental Philosophy. N. Y., 1976. P. 88.

Цит. по: Слеваковский А. Б. Самураи — военное сословие Японии. М., 1981.

Цит. по: Конрад Н. И. Избранные труды. М., 1978. С. 210.

Цит. по: Конрад Н. И. Указ. соч. С. 211–212.

Там же. С. 212.

См. упоминание о генерале Ноги в книге В. А. Пронникова, И. Д. Ладанова «Японцы».